

Перекресток судеб

Автор:

Евгений Щепетнов

Перекресток судеб

Евгений Владимирович Щепетнов

Нед #6

Приключения вчерашнего найденыша, а ныне мага-демонолога Неда Черного продолжаются!

Что может быть красивее летящего в небе дракона? Но не нужно забывать – это не игрушка, это довольно умное и опасное существо, способное выжечь целую армию врагов! Возрождение расы драконов, судьба народа ардов и всей страны – все зависит от могучего мага и воина Неда.

Заканчивается длинный путь, ведь все когда-то заканчивается. Сходятся и расходятся судьбы людей на Перекрестке, там, где все началось. Место Силы, оплот Северного Клана Ширдуан – он все расставит по своим местам. Кто останется в живых, кто погибнет, покрыв себя вечной славой? Знают боги. Люди же пока живут, радуются жизни, не подозревая, что грядет Последняя Битва, в которой многие, ох многие найдут свою судьбу...

Евгений Владимирович Щепетнов

Нед. Перекресток судеб

© Щепетнов Е., 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

- Принимай! Быстро, быстро, шевелись! Взяли! Взяли!

Портовые рабочие споро перехватили канат, наматывая его на причальные тумбы, плотнее притягивая корабль к причалу. Швартовка судов – работа вполне приличная и неплохо оплачиваемая. Каждый капитан платил за нее немалую сумму, это обычная практика портов Замара. Впрочем, никто не жаловался – бесполезно. Да и некуда жаловаться. Так воспринимается дождь или град – не богам же отправлять жалобу на стихийные бедствия. Для чего тогда строить порт, если не выкачивать деньги из судовладельцев?

С грохотом пал трап, и по нему, прогибая толстые доски, сошел пассажир – огромный широкоплечий мужчина, заросший лохматой копной седых волос, спадающих на темные глаза, зыркающие из глазных впадин так, как зверь выглядывает из своей норы на жестокий, опасный мир, в котором найдет добычу или погибнет в борьбе за жизнь.

Толпа на причале была разношерстной. Вопили разносчики пирогов, предлагающие свои подозрительные изделия всем желающим приобрести за два медяка расстройство желудка, мелькали полураздетые грузчики, на покатых мускулистых плечах пронесившие сразу по два мешка или здоровенный бочонок. Шатались подвыпившие матросы, уже с обеда надравшиеся кислого вина. Помощник капитана поливал их отборной бранью и пинал в твердые сухие зады,

просоленные, как корабельная пенька. Бегали подозрительные мальчишки – то ли попрошайки, то ли воришки, отправившиеся в порт за поживой, – если у кого и водятся денежки, то это у моряков, вернувшихся из плавания, а таких тут было великое множество, – корабли стояли у причала, на рейде, десятки кораблей разного вида и конструкций. Одни из них поднимали паруса – эти суда были загружены до предела и, похожие на огромных китов, наевшихся планктона, отправлялись в свой тяжкий рейс. Другие, потрепанные жестокими штормами, качались на волнах под лучами жаркого солнца, впав в спячку, как морские звери, обожравшиеся жирной рыбы.

Мужчина, сошедший с корабля, равнодушным взглядом осмотрел причал, глянул наверх, на дорогу, уходящую из порта в центр города, и, поправив на плече ляжку походного вещмешка, зашагал по брусчатой мостовой. Куда – он сам пока не знал. Денег у него оставалось не так много, но при достаточной экономии мужчина мог прожить около месяца – не шикая, снимая койку в самой дешевой из гостиниц. Если Нед не появится в городе в течение месяца, тогда придется зарабатывать лекарским делом. А уж лечить бывший армейский лекарь умел! Не маг-лекарь, конечно, но хирург отличный, и в снадобьях разбирался, как никто другой. Армейская школа, годы службы в Корпусе морской пехоты не прошли даром.

Что Коста Жересар собирался сказать Неду? Уж само собой, он не собирался уговаривать Неда простить тех, кто убил Санду, убил Имара Шорокана и, главное, убил его, Жересара, сыновей.

После гибели сыновей Жересар будто выгорел изнутри. Высох, как старый дуб после многолетней засухи. Не осталось ничего, кроме сжигающего желания отомстить тем, кто лишил его счастья, лишил тех, кто был смыслом жизни, – сыновей.

Дальше мести планы Жересара не распространялись – уничтожить врага, а там... там можно будет подумать, как жить. А жить ему не хотелось. Ну да, красавица жена, дочь... но никогда он не обнимет сыновей, никогда.

И сам виноват – зачем взял их с собой? Зачем согласился на их уговоры? Что теперь говорить... поздно. Первая мысль была – пойти и порвать на куски гадов из Военного Совета, организовавших нападение, своими руками уничтожить виновников случившегося. Но ведь убьют. Никто не сможет дойти до членов Совета, напасть на них и остаться в живых. Да и напасть-то не дадут – убьют на

подходах. Нет уж – надо добраться до Неда – вот тот точно дойдет до негодяев. И убьет. И отомстит за всех! За сыновей! За свою Санду! За Хеверада! Только бы найти Неда... Он должен быть где-то в этих краях – не сейчас, так позже, но все равно будет тут. И бывший лекарь его найдет. Ах, Нед, Нед... бывший пастух, бывший сержант Корпуса... а теперь – могучий боец, черный маг-демонолог... друг. Друг! И это главное. Если он потребует от Жересара жизнь в уплату за месть убийцам сыновей – Жересар не задумываясь ее отдаст. Мечь! Мечь! Мечь!

А в городе хорошо. Жересар не ожидал, что этот захолустный город окажется таким большим, чистым и красивым. Высокие дома, ухоженные улицы, мощенные брусчаткой, канализационные сливы – видно, что тут не бывает потоков из помоев и грязи, – все цивилизованно и продуманно, не хуже, чем в столице, а может, даже и получше. Только вот странно – откуда эта груда развалин? Как будто кто-то огромным кулаком ударил по башне и развалил ее под самый фундамент. Возьтятся рабочие, разбирая постройку, груда кирпичей выше забора. Плохо построили? Обрушилась? Но кирпичи обожжены. Был пожар? Вероятно, пожар.

Жересар с минуту разглядывал полуразваленный большой дом, пожал плечами и пошел дальше. Какое ему дело до чужих проблем?

Народ на улицах ничем не отличается от столичного, но по ощущениям – двигаются как-то помедленнее, или так кажется? В столице все куда-то бегут, как будто им в зад вставили шило, – бегут все, от разносчика булочек до зеленщика с тележкой. Иногда кажется, что это их последняя пробежка в жизни, – иначе отчего они так стараются как можно скорее прибыть в место назначения? Будто от смерти бегут...

Наряд стражи подозрительно посмотрел на огромного человека, но Жересар спокойно встретил взгляд капрала, и тот, сам не ожидая того, отвел взгляд – приезжий смотрел спокойно, но так тяжело, что казалось – на плечи стражника взвалили штук двадцать кирпичей из разваленного дома. Стражник было дернулся, чтобы остановить странного человека, похожего на югра, вставшего на задние лапы, а потом передумал – что ему, больше всех надо? Треснет по башке, и все – прощай обед с кислым вином (опять трактирщик, тварь, налил каких-то помоев, а не вина!), прощай, любимая жена, родившая ему двоих детей, прощай, еще более любимая любовница – женушка капрала Иструга (не дай боги, ее муж про их связь узнает, пьянь проклятая! Пришибет! Но сладкая

баба!), прощай, трактир «Зеленая корова» со столом, на котором так славно катятся кости, обещая удачу и благосостояние. И обманывают – как и всегда. Опять придется занимать монет на игру.

Стражник, занятый своими важными проблемами, уже забыл о странном прохожем, а Жересар пошел дальше, к рынку, туда, где можно найти дешевую гостиницу. Возле рынка обязательно была недорогая гостиница, в которой жили возчики и небогатые купцы, – там и стоило поискать комнату. Хотя Жересар и сомневался, что так с ходу ее найдет, – что-то в городе многовато приезжих. Наметанный глаз городского жителя сразу усмотрел в районе рынка неподобающую провинциальному городу суету. Да и в порту слишком много кораблей. Впрочем, это же крупный северный порт, почему бы и нет? Убедиться в наличии или отсутствии комнат можно, только придя в гостиницу, – так чего заранее заморачиваться по этому поводу? В крайнем случае можно и на конюшне переночевать, на сене. Не очень приятно, зато под крышей, а там можно и комнатку поискать – всегда полно пожилых одиноких вдов, недорого сдающих комнаты. В этом жестоком мире вдов всегда хватает, а вот достатка – увы, маловато.

Пожалел, что отказался от обеда на корабле. Надоела их убогая еда, однообразная и невкусная (повара протащить бы на веревке десяток ли за кораблем, чтобы знал, как эту дрянь готовить!). Но еда, хоть и убогая, безвкусная, была сытной, а теперь нужно искать, где перекусить. Организм большой, требует свое – ему безразлично, что хозяин в печали и встал на дорогу мести. Дай ему жрать, и все тут! И пить – неплохо бы кружку-другую пива выпить. А то живот совсем пропал...

Жересар не уставал удивляться происшедшим с ним переменам: до трагедии он был массивным, даже слишком массивным – большой живот, лишний жирок. Теперь куда-то это все подевалось. Так он выглядел только в юности – массивные кости, мощные мышцы. И ни грамма жира. Теперь Жересар был в хорошей форме. Видимо, демон, вселившийся в его тело, не желал, чтобы носитель быстро загнулся, потому поддерживал организм в «боевой готовности».

Базар шумел, толкался. Горой стояли новенькие корзинки, стояли торговки с куриными яйцами, с подозрительным темным мясом, лениво сгоняя с него деловитых жирных мух, отблескивающих на солнце зелеными брюшками. Зеленщик истошно вопил, зазывая хозяек, привлекая их «особо свежей»

зеленью, увядшей, как мужская сила старого базарного сторожа. Пахло пирожками, жареными осьминожками, на свою беду угодившими в сетку рыбаков, висела копченая рыба, поглядывающая на покупателей сонным взглядом, и портили воздух лошади, всхрапывающие в липкой жаркой одуре полудня.

Жересар продирался через ряды, досадуя, что не обошел базар сбоку, по дуге, – он терпеть не мог массовые скопления народа, эти пахнущие потом и портянками тела, эту вонь жаровен, обугливающих «трупы» осьминогов и рыб. Кроме того, нужно было опасаться воришек, коих на рынках великое множество. Держи кошельки и карманы! Останешься нищим, под смех добрых горожан, радостно встречающих беду ближнего своего, – ведь наказали не их, а какого-то придурка, ничуть не стоящего жалости. Придурков ведь нужно учить!

Насторожился – чья-то ловкая рука пролезла под куртку, добираясь до кошелька, прикрепленного к ремню. Денег там было немного – десятков серебряников, два десятка медяков, но и это деньги – на неделю попытаться хватит. Нет уж – не дам!

При всей своей массивности Жересар умел двигаться быстро, а потому его ладонь, больше похожая на лопату, прихлопнула шаловливую ручонку воришки так, как торговка мясом прихлопывает тряпкой особо надоевшую муху, покусившуюся на хозяйкин потный нос.

Мальчишка взвыл, забрыкался, выпустив кошелек, до которого успел добраться, и начал вопить, закатывая глаза:

– Ай-ай! Помогите! Помогите! Проклятый извращенец! Люди, помогите! Он мне руку ломает за то, что я отказался с ним спать! Люди! Люди!

Жересар молча, не обращая внимания на вопли плененного супостата, поволок парнишку туда, где стояли две будки-лавки – зеленщика и торговца пирожками. Между ними было два шага свободного пространства, и на этом пяточке, свободном от базарной толкотни, лекарь собирался побеседовать с парнем, разузнать о Неде – вдруг воришка что-то знает? Базар – средоточие новостей и банк информации, это известно любому горожанину. Впрочем, большинство сведений с базара зачастую оказывались бесполезными – базарный люд любит приврать. Но тут уж смотри сам – голова-то на что?

- Пу-усти! Пусти! А-а-а! Сссу-у-ка-а! Помогите! А-а-а!

- Да заткнешься ты или нет?! - рявкнул Жересар, разозленный вопливым парнем, извивающимся, как змея. - Я просто поговорю с тобой, и все!

- Пусти! Помогите! - не слушая, блажил парень, и Жересар с досадой решил - без толку с таким идиотом общаться. И только собрался его отпустить, как сзади послышался густой хриплый голос:

- Эй, извращенец, чего мальчишку пытаешь?! Проходу уже от вас, поганцев, нету! Пусти его!

Жересар обернулся и увидел здоровенного парня лет тридцати, с маленькими колючими глазками под низким лбом - типичный уличный задира или грабитель. Его засаленные волосы стягивала серебряная заколка с кричаще ярким красным камнем, скорее всего - стеклянной подделкой. Для дешевого металла заколки камень был слишком большим, так что не было никакого сомнения - фальшак. Задира выглядел довольно сильным парнем, его покрытые наколками руки упирались в крутые бока, а рядом с ним стояли еще трое парней похилее, но выглядевшие не менее агрессивно и опасно, чем их вожак.

Жересар пожал плечами и выпустил воришку:

- Да забирай. Он хотел у меня кошель срезать, не получилось.

- Врет он! - плаксиво заныл вор. - Он предлагал мне пойти в гостиницу, а я отказался! Он чуть руку мне не сломал! Пусть заплатит на лечение! Я теперь рукой неделю двигать не смогу, а мне семью кормить!

- Какая семья - у тебя, поганца?! - усмехнулся Жересар. - Скажи спасибо, не оторвал руку напрочь и не отлупил ею тебя! А надо было, чтобы не шастал по базару и не воровал!

- Слышь, ты, извращенец! Заплати парню за ущерб! - Предводитель шайки нагнул голову, как атакующий бык, и потянулся за спину, извлекая короткую дубинку с кожаной петлей на конце. - С тебя десять золотых, и разошлись любовно! Плати, а то башку разобью! Я очень вас не люблю, глиномесов!

«Коллеги» бандита перекрыли проход между палатками, чтобы отрезать путь чужаку, сзади был высокий забор, ограждающий базар, – бежать некуда. Жересар вздохнул – это же надо, в первый день и так влипнуть! Похоже, что кто-то его проклял – удача отвернулась, и навсегда. Слишком было все спокойно и хорошо в его жизни – до тех пор, пока Совет не организовал нападение на дом Хеверада.

– Ну что вытаращился, как баран? – усмехнулся бандит. – Давай сюда котомку, будем смотреть, что там у тебя есть!

Жересар скинул с плеча вещмешок, взял его в левую руку и шагнул вперед, передавая его ослабившемуся разбойнику. Тот протянул руку, принимая мешок, и тогда Жересар ударил – со всей мощью, на какую был способен. Его массивный, гранитный кулак врезался в челюсть парня, и она сломалась с треском, похожим на треск ломающегося пересохшего хвороста. Разбойник как стоял, так и упал, потеряв сознание.

Спутники негодяя на секунду застыли, не в силах поверить в происшедшее, и Жересар успел двумя ударами сбить еще двух разбойников, разлетевшихся в стороны, как придорожные травинки, срубленные хворостиной мальчишки.

Оставшийся на ногах громила успел выхватить нож и броситься с ним на чужака, но тут же завопил от боли в сломанной руке, потом замолчал, добитый коленом в хрустнувший нос.

Воришка успел сбежать. После первого же удара он скользнул между громилами, скрывшись в толпе, старательно не замечавшей разборки у палаток – кому нужны чужие неприятности?

Жересар пару раз сжал и разжал пальцы, слегка онемевшие от соприкосновения с головами противников, поднял с пыльной земли вещмешок и отправил его туда, где он был до столкновения, – на левое плечо. Повернулся, чтобы уйти, и тут заметил, что кто-то смотрит в дырочку, проделанную в стене торговой палатки. Глаз мелькнул, потом исчез, а через несколько секунд появился его хозяин, боязливо выглянувший из-за угла:

– Сваливай отсюда, и быстрее! Он сейчас толпу приведет! Вот тебя угораздило с ними связаться! Иди отсюда, а то и мне достанется – еще палатку попортят,

когда тебя месить начнут! Понаедут тут!

Красноносый полноватый мужчина – торговец пирожками с тухлятиной – был полон искреннего негодования от того, что чужак приволок к его палатке неприятности, потому кипел от злости, как чайник на огне.

Жересар промолчал, перешагнул через поверженных, истекающих кровью разбойников и шагнул в толпу, успев заметить, как лавочник, воровливо оглянувшись, наклонился над лежащими без сознания парнями – якобы для того, чтобы оказать им помощь, но лекарь видел, как рука проходимца шарит по карманам. А что? Все равно спишут на чужака – мол, он обворовал бесчувственных разбойников.

Лекарь хотел вернуться и дать пинка мародеру, но передумал – какое ему дело до базарных страстей? Вор вора обобрал – и что? Да чтоб они все сдохли...

Через базар ему пришлось пробираться еще с полчаса – Жересар заблудился, уткнувшись в какие-то фургоны, заставленные клетками с кудахчущими и дико вопящими птицами, долго выбирался, блуждая в этом лабиринте, резко пахнущем птичьим дерьмом, вымазал башмаки и злющий, как цепной пес, все-таки выбрался ко второму выходу с базара, в который уже раз нещадно костеря себя за то, что не обошел базар стороной.

У выхода его снова ожидал сюрприз. Возле будки базарного сторожа, собирающего деньги за въезд повозок, лекарь увидел давешнего воришку, внимательно разглядывающего прохожих.

Жересар удрученно вздохнул – ну вот, неприятности не кончаются! Все-таки привел своих подельников, поганец! Осмотрел выход – нет, никого подозрительного не было. Тем более что рядом с будкой стояло спиной к базару человек шесть-семь городских стражников, живо обсуждающих свои проблемы, опершись на копыя, уткнутые в землю потемневшими от времени древками.

Жересар расслабился и пошел на выход, не обращая внимания на воришку. Однако, как только лекарь приблизился к воротам, парень завопил противным, визгливым голосом:

– Вот он! Вот разбойник, напавший на честных граждан, сломавший челюсть Брюску! Хватайте его! Держите!

Стражники тут же прервали разговор, обернулись и наставили копья на Жересара, опешившего от такой встречи. Он попытался что-то сказать, объяснить, что это ошибка, что наоборот – это его пытались ограбить, но стражники ничего не слушали, а один из них, худой, длинный капрал, зайдя за спину лекаря, достал тяжелую дубинку и со всей силы ударил Жересара по затылку.

Когда лекарь упал, стражники начали пинать его ногами, бить древками копий и успокоились только тогда, когда лицо чужака превратилось в кровавую маску, потерявшую человеческие черты. Затем капрал подозвал дежурного извозчика, и чужака, не подававшего признаков жизни, погрузили в повозку, с трудом подняв его громоздкое тело.

Капрал обшарил карманы лекаря, выгреб все, что там было, срезал кошелек, привязанный к поясу, вытряхнул из мешка чужака какие-то баночки, склянки, траву, противно пахнущую лекарствами. Все это выкинул в бочку с мусором, стоявшую у будки. Прощупал одежду повнимательнее и, крикнув от удовольствия, вытряс из тайного кармана на груди три золотых, сунув их в свой кошелек под жадными взглядами подчиненных.

– Это на лечение Брюску! – хмуро пояснил он, скривив рот в надменной гримасе. – Везите парня в «собачник», завтра потащим к судье – если выживет, конечно.

– А может, сразу его... в море? – предложил один из солдат, шмыгая носом и вытирая его рукавом, заскорузлым от покрывающей его белой корки. – Может, он уже сдох?

– Нет, живой! – нахмурился капрал. – Сердце бьется. Хотя мы ему хорошо вломили! Проклятый бродяга! Будет знать, как нападать на наших!

– А может, не бродяга?.. – нерешительно спросил молодой стражник, только недавно принятый в стражу. Ему было лет шестнадцать – папаша, торговец птицей, дал кругленькую сумму, чтобы его взяли на службу, считающуюся выгодной и престижной. Капралу тоже перепало от щедрот купчишки, хотя и

немного.

– Вроде приличный мужик-то, – снова заканючил отпрыск торгаша, – склянки-то вроде как лекарские! Как бы проблем не было, а, Девад?

– Идиот! – рявкнул капрал, краснея, как вареный краб. – Он моему троюродному брату челюсть сломал! Он должен за это ответить! И кто о нем знает? Какой-то чужак – то ли лесоруб, то ли морячишко! У нас свидетели есть, что парень напал на Брюска и остальных! А еще – он их обобрал, забрал деньги с бесчувственных тел! Мародер!

– Если он забрал деньги, почему их при нем нет? – пожал плечами настырный юнец. – Может, не все так просто, господин капрал?

– Ты что, умнее всех?! – прищурился стражник. – Что, ты утверждаешь, что я вру? Смотри, не будешь себя правильно вести, вылетишь из стражи так же быстро, как сюда и попал! И вообще, я смотрю на тебя и каждый раз думаю – чего этот придурок здесь, в страже, делает? Эта работа точно не для тебя, щенок!

– И я убеждаюсь в этом каждый раз, как гляжу на твою морду, – тихо буркнул парнишка и, не желая вступать в пререкания с начальником, отошел в сторону, отведя взгляд от капрала.

– Что?! Что ты там сказал, придурок?! – рявкнул капрал, но парень промолчал, сделав вид, что задумался и не понял, что обращаются к нему.

Капрал осуждающе покачал головой, решив, что нужно отделаться от молодого придурка. С ним можно влипнуть, это точно. Дурачок шел в стражу «бороться с преступностью и помогать людям» – романтический идиот. Такие опасны. Тем более что сын торгаша не желает держать язык за зубами.

Брюск теперь должен, и надо будет попросить разобраться с этим дурачком. Ткнул стилетом, когда тот пойдет домой, и долг списан. В команде должны быть только проверенные, свои люди, такие, как он сам, Девад, оттрубивший на этой работе уже двадцать лет! Зря согласился взять парня к себе – на деньги позарился. А получил конопатую проблему.

– Давайте-ка быстрее везите! – рявкнул капрал. – Потом можете пообедать! Вот вам! – Он кинул своим парням кошелек чужака, проверенный на наличие золотишка. – Сбор через два часа, здесь же.

* * *

– Давай! Пока он не очнулся! Ну что ты за глупая скотина? Скорее!

Быстрая рука пробежалась по карманам и нагло полезла за пазуху. Мужчина наклонился над лекарем, второй стоял рядом, с интересом глядя на то, как напарник лазит по карманам лежащего в беспомощности человека.

– Вроде нет ничего! Стражники все повидавали!

– Тщательнее ищи, тщательнее! За подкладкой смотри! Они там всегда прячут!

Жересар видел этих двух будто сверху, как если бы вышел из своего тела и воспарил к сводчатому кирпичному потолку. Несколько секунд лекарь смотрел, как человек с грязными, засаленными волосами обшаривает его тело, потом пришла мысль: «Почему это он лазит у меня по карманам? Кто ему позволил?»

Эта мысль кольнула сознание, и душа Жересара мгновенно юркнула в «хранилище», удобно расположившись в большой лобастой голове.

И тогда пришла боль. Не очень большая, не такая, от которой умирают, но вполне даже приличная, выжимающая слезу из глаз. Если бы, конечно, лекарь не разучился плакать. Болело все – руки, ноги, живот, плечи, такая же боль пронзала его, когда он очнулся на берегу реки, вытекающей из пещеры. Тогда он был на грани смерти, изрубленный, избитый шатриями секты Ширдуан. А теперь?

Вспыхнула яркая картинка – вопящий воришка, лоснящиеся лица стражников, наставивших на него копья, и... вспышка, окончившаяся чернотой. Затем он открыл глаза в повозке – и снова вспышка и чернота. И так дважды. Пока не оказался в этом полутемном помещении, в виде парящей души.

Картинки проскочили за секунду, и пришло понимание – скорее всего, он лежит в темнице и какой-то негодяй обшаривает его тело.

Жересар поднял руку и молча схватил негодника за горло. Мужчина захрипел, задергался в тяжелой руке лекаря, а его напарник завопил и попытался помочь приятелю, лягнув Жересара в висок. Вернее, попытался лягнуть, потому что тот поймал ногу пинающего и, повернув ее до хруста в суставах, опрокинул противника на пол, отчего тот крепко приложился о каменный пол и замер, дернувшись пару раз.

Первый мужчина так и продолжал хрипеть, синяя и закатывая глаза, когда лекарь ослабил хватку:

– Я тебя сейчас отпущу, не будешь драться?

Тот помотал головой – нет, мол.

– Ответишь на мои вопросы?

Снова помотал головой – да, отвечу.

– Хорошо.

Жересар разжал ладонь, мужчина упал на пол, судорожно вдыхая воздух, попытался отползти, но лекарь поймал его за ногу, притянул к себе и без замаха сильно ударил в бок. Что-то хрустнуло, и мужчина побелел от боли – видимо, Жересар сломал ему ребро.

– Ты обещал, что ответишь на мои вопросы. Еще раз попытаешься сбежать – я сверну тебе башку, совсем сверну, – безо всякого выражения равнодушно проговорил лекарь.

– Эй, ты чего там разбушевался? – раздался голос из полумрака, лекарь повернул голову и увидел, что на него смотрят человек двадцать людей разного возраста, разного телосложения. Не было никаких особых признаков, по которым можно было бы определить, почему этих мужчин засунули сюда, в темницу, – молодые, старые, прилично одетые и в рванине, они смотрели на Жересара, лежащего в

углу, и молчали. Говорил один – лет сорока, кряжистый, кривоногий человек, одетый так, как одеваются портовые грузчики, вышедшие в город, чтобы напиться в трактире, – свободная куртка, широкие штаны из парусины и вязаная шапочка, которую носили и матросы, и грузчики, и все, кому не хотелось напечь голову или застудить ее на морском ветру. – Отпусти его, а то я тебе сейчас уши обрежу!

Жересар медленно встал, продолжая держать пойманного противника за предплечье. Проверил, как собственное тело держит равновесие, – вполне недурно, как оказалось. И, перехватив воришку за пах и горло, поднял его как пушинку и со всей силы метнул в человека с ножом.

Мужчина, которого он метнул, был не большим и не маленьким. По весу примерно равен камням, которые метала крепостная камнеметная машина. Хотя Жересар и не был камнеметной машиной, но эффект, произведенный этим живым снарядом, был так же действен, как если бы в толпу влетел подобный по весу камень.

Человека с ножом снесло, как и двух парней, на свое несчастье стоявших рядом с ним, и теперь они вяло шевелились на полу возле «снаряда», потерявшего сознание. Жересар тяжелыми шагами подошел к оцепеневшей толпе, испуганно раздавшейся в стороны, и тяжелым басом спросил:

– Еще кто-то хочет мне что-то отрезать? Или хочет проверить мои карманы?

– Ты не сможешь не спать вечно! – заметил кто-то из толпы, намекая на то, что, как только Жересар уснет, его тут же прирежут. Лекарь шагнул вперед и медленно спросил:

– Кто это сказал? Иди сюда, не бойся. А ну выйди сюда! Иначе я сейчас всех перебью к демонам!

Мужчины отодвинулись от высокого парня, а тот смело посмотрел в глаза лекарю:

– Я сказал. И что?

– Мне нужно, чтобы кто-то ответил на мои вопросы. И это будешь ты.

– А если не отвечу?

– Тогда я разобью тебе башку, а потом возьму другого и предложу то же самое, – равнодушно сказал лекарь.

– Эфос, да ответь ему! – раздраженно выкрикнул кто-то из стоящих справа. – Видишь, он не в себе! Ответь, да пусть валяется, как и все мы!

– Тебя не спросили! – огрызнулся Эфос. – Чего тебе надо, чужак?

– Откуда ты знаешь, что я чужак? – спросил Жересар.

– Тут все про всех знают, – усмехнулся парень. – Ты что, убил их?

– Может, и убил, – пожал плечами лекарь, – наплевать. Пойдем, расскажешь мне кое-что. А вы расходитесь. Что это вам, представление комедиантов? Лучше помогите вашим приятелям.

– Тут нет приятелей, – хмыкнул кто-то слева, и народ стал расходиться, не глядя на побитых мужчин, копошащихся на полу.

Жересар присел к первому поверженному им противнику, тому, что обшаривал карманы, сильно ударил его в живот, вынул из бесчувственной руки нож и, переломив его между пальцами, оттащил мужчину к остальным, двое из которых уже начали поднимать головы. Бросил, как бревно, не обращая внимания на кровавый след, оставшийся на полу. Потом кивнул Эфосу:

– Пошли в угол. Не бойся, мне всего лишь нужно кое-что узнать. Расскажешь – и делай что хочешь.

– Я и не боюсь! – вскинулся парень, но покорно побрел за Жересаром в темный угол и уселся рядом на охапку несвежей соломы, пахнувшей прелостью и мочой.

– Где я нахожусь? – спросил Жересар, опершись на кирпичную красную стену и глядя в маленькое окошко под потолком, с трудом пропускающее свет.

- В темнице, где же еще? – скривился Эфос. – Как и все мы.

- Давно я тут?

- Нет. Привезли, втащили, бросили. Парни пошли прощупать у тебя карманы – а ты очнулся. Не думали, что ты очнешься.

- Почему это? – поднял брови лекарь.

- А ты себя со стороны видел? Весь в крови, лицо-то еле рассмотришь. Да и стражники сказали, чтобы, как ты сдохнешь, им покричали. А еще сказали, что, когда ты перекинешься, можем забрать твои шмотки себе. Мертвому-то они все равно не нужны!

- Ясно. Что-то говорили, за что я здесь?

- Кто? Стражники?

- Стражники, да. Что-то говорили о том, за что я здесь? – медленно, как для идиота, повторил Жересар.

- Ну... да. Говорили, что ты разбил челюсть троюродному брату капрала Девада, что на базаре шастает. Что напал на Брюска, избил его и ограбил.

- Понятно. Что мне грозит? Что теперь будет?

- Ну что... в рабство продадут скорее всего. Ты вон какой здоровый. В рабство – и все! Не повесят, нет. В рабство, ага.

- А здесь кого собрали? Что за люди?

- Всякие. Есть уважаемые люди – авторитетные. Есть пьяницы, которых прихватила стража за буйство в трактире, а у них не было денег оплатить разгром. Щас ждут, когда родственники выкупят. А то, мож, и отрабатывать заставят. Всякие есть.

– А как же авторитетных-то сюда загнали, – усмехнулся Жересар, – если они авторитетные? Насколько понимаю, все ваши банды платят стражникам.

– Само собой, платят. Иначе работать не дадут. А эти... вовремя не заплатили или работали не там, где им позволили работать стражники. Если кто работает в порту – не моги лезть на базар. И наоборот. Вон тот жену убил. Скорее всего, повесят – убивать можно только благородным или по суду, палачу. Вон те подрались – соседи, и на них подали жалобу. Вон тот... да какая разница? Ты кто вообще? Откуда взялся? Чего ты этого хмыря покалечил? Дай догадаюсь: они хотели тебя на деньжонки потрясти, а ты их уложил? Здоров ты, да... вот только не рассчитал. Так-то Брюск крыса еще та, я его не люблю. Так ему и надо. Но капрал Девад авторитетный, да. Он всех на базаре «строит» – там, где ему сержантом позволено «строить».

– Плевать мне на капрала и сержанта, – хмуро прогудел Жересар, – ты вот что скажи, мне человека найти надо, он должен был сюда приехать. Нед его звать. Молодой такой, лет двадцать.

– Ты чудак, – хихикнул парень, – ты хоть представляешь, сколько людей приезжает в этот город? И сколько здесь живет? В порту не протолкнешься от приезжих!

– А чего так много приезжих? – поинтересовался Жересар. – Всегда так было?

– Всегда. Большой порт, да. И металл везут из Винурга – все через Шусард, и золотишко мыть стали на западе, и вообще – людей много приезжает, город растет.

– Здесь кормят?

– Есть захотел? Кормят. Один раз в день. Вечером. И воды дают. Ежели в сортир – вон туда, там канава в полу. Удобства тут никакого, но и долго обычно не задерживаются. Завтра к обеду будешь болтаться в петле или звенеть цепями. Девад злой на тебя шибко.

– И что, все на самом деле решат, что приезжий набросился на банду Брюска и ограбил их? – криво усмехнулся Жересар. – Неужели настолько продажный судья?

– Да ему плевать на нас, – хихикнул собеседник. – Ты что думаешь, кто-то будет разбираться? Есть показания капрала и его двух-трех помощников. Не верить им основания нет. Почитает судья их писульки – и все, шагай к палачу! Закуют в цепи и отправят на рынок, туда, где торгуют рабами! И вечером будешь или на гребной карюге, или еще где-нибудь – кто купит, у того и будешь, в общем. Не знаешь, как это делается? С луны упал?

– Честно сказать, никогда не задумывался, как тут все происходит. Меня это дело не касалось. Военный суд – это знаю, а вот гражданский – никогда не имел дела.

– А! Ясно! Вояка бывший, да? Вон откуда ты такой здоровый-то. В лесорубы скорее всего купят, будешь на цепи лес рубить. Убежать-то не дадут, не надейся. Лучники сажают стрелу прямо в затылок, так что не балуй.

– Все, шагай отсюда, я спать буду, – опустошенно сказал Жересар и закрыл глаза.

– Можешь не проснуться, – серьезно предупредил парень. – Ты уважаемого человека покалечил и его людей. Теперь сиди да оглядывайся.

Лекарь промолчал, а парень поднялся с охапки соломы и пошел дальше, туда, где расположилась основная масса людей. Они сидели, лежали небольшими группками и по одному, а когда парень подошел, дали ему место, и он начал что-то говорить – видимо, рассказывал, о чем беседовал с новичком.

Жересар проводил его взглядом, потом закрыл глаза – видеть то, что он видел сейчас, совсем даже не хотелось, и у лекаря на душе было гадко и тоскливо. Попасть в темницу вместе с ворами, пьяницами, убийцами и другими ублюдками всех мастей и статей – великолепное завершение лекарской карьеры в Корпусе морской пехоты. А еще хуже было бы остаться тут, в этой темнице, с отрезанной башкой. Если продырявят – это ерунда, хуже дырявили, и выжил, спасибо демону. А вот если башку отрежут – здесь уже без вариантов, покойник. Да будь что будет!

Жересар вытянулся вдоль стены, подложив под себя солому, и закрыл глаза, впадая то ли в сон, то ли в какой-то ступор, транс – чего с ним никогда не было.

Ему опять стало казаться, что он поднимается над своим телом и взлетает вверх, к крыше – бесплотный и свободный, как утренний ветер с моря.

Посмотрел на себя сверху – грязный, в синяках, лицо с пробившейся седой бородой окровавлено, на правой щеке засохшие рубцы, как будто сюда кто-то ткнул копьем или кинжалом.

«Может, и ткнули, свободное дело! – подумал лекарь. – Лихо махали копышками-то! Суки! В первый ряд бы их, да чтобы налетела лавина исфирцев, закованных в сталь! Небось сразу забыли бы о поборах на рынке и наложили в штаны, подонки!»

Жересар пожелал оказаться над группой «товарищей по несчастью», среди которых он увидел побитых им негодяев. Те все были живы, хотя и не очень здоровы – с разбитыми лицами, перекосившиеся, как старый дом, они не были похожи на ученых или лекарей, а больше всего напоминали побитых бандитов, собиравшихся затеять заговор против своего обидчика. Потому следовало послушать, о чем супостаты говорят, – если получится, конечно.

А говорили они о том, что, как только все затихнет, все уснут, надо подойти и воткнуть в глаз этой твари нож. Под «тварью», надо понимать, они имели в виду Жересара, на которого заговорщики бросали огненные взгляды.

Жересар повисел над ними несколько минут, и когда ему надоело перечисление кар, которые должны пасть на голову нечестивца, посмеявшегося обидеть таких уважаемых людей, отплыл в сторону и стал подниматься вверх, сквозь кирпичное перекрытие.

Душа Жересара пронизывала толщу обожженных кирпичей, как ветер проходит сквозь открытое окно. Ни малейших затруднений, ни каких-то неприятных ощущений – вот только что он был в темнице и уже стоит в большом пустом зале, в окна которого заглядывает низкое вечернее солнце. «Что, уже день прошел?! Ну и ну...»

Жересар немного полетал по судебному залу, потом вылетел наружу, на улицу, повис над головами прохожих, спешащих по своим делам.

Решив полетать по городу, лекарь начал движение, но, отлетев шагов на сто, вдруг остановился как вкопанный, будто кто-то держал его на привязи. Догадался: видимо, это предел того расстояния, на которое он может удаляться от своего тела. Немного подсадовал, потом выругал себя – как можно было оставлять тело без присмотра? А вдруг за это время его прирежут?! Рванул назад и через мгновение уже завис над телом – и вовремя. Тот, кому поручили прирезать лекаря, осторожно, стараясь на шуметь и не спугнуть жертву, подходил к распростертому на полу телу Жересара, и совсем не для того, чтобы узнать у него методы лечения вывиха плечевого сустава. Скорее всего, он хотел сделать аккуратный хирургический разрез на шее чужака, чтобы выпустить из него дурную кровь.

Лишней крови у Жересара не было, потому он рванулся к своему телу, дабы встретить супостата ударом, дробящим кости «пациента».

В юности Жересар был завсегдаем трактиров и отличался буйным нравом и огромной силой. Нрав с годами у него смягчился, а вот сила никуда не делась, и, возможно, став массивнее, чем в юности, он сделался еще сильнее.

Вдруг Жересара посетила новая мысль, и, не заняв свое тело, он бросился к убийце, крадущемуся в пяти шагах от предполагаемой жертвы. Вернее, так: не бросился, а мгновенно переместился, да не просто переместился, а нырнул в тело противника, помня, как до того легко прошел через кирпичную стену.

Дело в том, что, когда Жересар проплывал через кирпич, у него возникло странное ощущение – он как будто чувствовал этот кирпич, ощущал его неровности, шероховатости, структуру искусственного камня, ощущал его «руками», невидимыми руками. И если он ощущал эти шероховатости, так почему тогда не мог воздействовать на тот объект, который «пощупал»? Может, конечно, не то время, чтобы ставить эксперименты, но у него есть несколько секунд, и, пока враг нерешительно крадется к телу, можно попробовать испытать свои возможности.

Лекарь и сам не знал, что он собирается сделать. Остановить врага? Наказать его за подлые намерения? Испытать свои силы? Вероятно – все сразу.

Внутри человека должно было быть темно, но Жересар видел все как днем – красную плоть, пропитанную живительными соками, мышцы, передвигающие

тело хозяина туда, куда он пожелает, белые кости и все, что может «увидеть» душа лекаря, пробравшаяся в чужой организм. Мускулистый мешочек сердца бился часто, так часто, что казалось – сейчас он разорвется, проталкивая кровь по сосудам. Опытный глаз лекаря сразу увидел и язву желудка, грозившую прорвать его стенки насквозь, и увеличенную печень – результат неумеренного употребления дурного вина, и язву на кишке, которая должна доставлять много неприятных ощущений.

Лекарь протянул невидимую руку и сжал сердце мужчины, ощутив, как бьется этот теплый, гладкий комок плоти, а затем рванул его, опуская вниз, в полость живота, обрывая сосуды, как гнилые веревочки.

Человек еще не понял, что он умер, – резкая боль, схватился за грудь... Убийца умер так же верно, как если бы ему отрубили голову. Он упал возле ног тела Жересара и больше не шевелился.

Жересар-дух вышел из тела разбойника, удовлетворенный полученным эффектом. Совесть его не мучила. Этот человек с ножом знал, на что шел. Жересар-дух мгновенно переместился туда, где затаились сообщники убийцы, пославшие его на смерть. Секунда! И лекарь в теле следующего противника. Рывок! И еще один захрипел, падая на пол.

За пять секунд лекарь расправился с тремя заговорщиками, остановив их сердца. Поднялся к потолку, посмотрел сверху – в темнице мало что изменилось. Кто-то спал, кто-то разговаривал о своем, собравшись в кучку и не обращая внимания на остальных. Смерть убийцы и его товарищей, возможно, и привлекла внимание, но окружающие предпочли сделать вид, что ничего не видели. Так-то оно вернее... много знаний – много скорби.

Жересар вернулся в свое тело, втянувшись в него, как дым очага втягивается в трубу дымохода. Его волновало, сможет ли он восстановить контроль над телом, но все прошло нормально. Только подумал о том, чтобы двинуть руками и ногами, как что-то будто щелкнуло, зазвенело струной, и лекарь ощутил боль в отбитых ребрах и разбитой голове.

Впрочем, боль была уже не сильной, словно повреждения получены день-два назад и остались лишь синяки.

Подвигав конечностями, он облегченно вздохнул и замер, прикрыв глаза. Он был хорошим лекарем, просто великолепным, и последние события в его жизни не смогли выбить знания о лекарском деле и искоренить научный подход к делу. И теперь Жересар пытался сообразить: что же такое с ним случилось?

После получасовых размышлений пришел к выводу: теперь он умеет убивать, не двигаясь с места, и для него не служат преградой ни стены, ни земля, ни стальная броня. И первым желанием Жересара было оказаться там, где сидят люди из Совета, пощупать их грязные сердца! Увы, теперь он был в полутора тысяч ли от негодяев и не мог достать подлецов.

Лекарь даже застонал от разочарования – ну почему, почему умение проявилось только сейчас, а не тогда, когда он был в столице?!

Впрочем, еще полчаса размышления дали понимание – он не всесилен. Да, против него теперь нет защиты, нет укрытия. Если только не отойти на сто шагов. А еще – он не может убить толпу одним движением руки. Только по одному-два человека в секунду, и его тело при этом совершенно беззащитно – делай что хочешь. А вот что с ним будет, если уничтожить тело, Жересар не знал. Скорее всего, после смерти тела демон унесет его душу в преисподнюю, и лекарю пока не хотелось на тот свет. Не все дела завершены. Успеется в иной мир. Не все сердца подержал в руках.

Жересар не хотел думать о переменах, произошедших с его сознанием, – почему тайное убийство теперь не кажется противным и подлым делом? Почему он так холодно воспринимает смерть людей, пусть и негодяев, – словно он сорвал травинку, а не вырвал сердце у человека? Да, в глубине души лекарь осознавал – это ненормально. Это странно и страшно. Но загонял мысль глубоко, совсем глубоко, туда, где сидел демон, слившийся с его душой.

Через два часа загремели засовы дверей, зашумели, загомонили узники, выстраиваясь в очередь, – у всех в руках были плошки из глины, деревянные ложки, и люди оживленно переговаривались, предвкушая долгожданный ужин.

Похоже, что передачи с воли здесь были не приняты, – за все то время, что лекарь сидел в темнице, он не заметил, чтобы кто-то здесь ел или пил. Поел раз в сутки того, что выдадут тюремщики, – и хватит. Впрочем, какая разница, что тут не принято? Сейчас нужно что-то поесть – организм требует.

Жересар встал, оттолкнувшись рукой от грязного пола, – рука тут же вляпалась во что-то скользкое, и он с отвращением вытер ладонь о стену, оставив широкий красный мазок.

Перешагнул через труп убийцы, так и лежащий на полу, и пошел к очереди, выстроившейся возле входа. В голове очереди уже началась раздача еды – мужчина лет пятидесяти, с лицом, на котором жизнь оставила глубокие отметины-шрамы, большим черпаком доставал из котла на колесиках липкую белую массу с темными вкраплениями и шлепал ее в подставленные плоски. Туда же бросал ломоть темного хлеба, а из другого котла черпал пахнущий пряной травой отвар, переливая его в кружку заключенного.

Лекарь подошел к началу очереди, оттеснил плечом первого, кто стоял с пустой плоской, и не обратил внимания на его злобное ворчание. Раздатчик налил отвара парню впереди и, опустив черпак, поднял глаза на Жересара:

– Ты кто? Когда прибыл?

– Он первый день здесь! – крикнул кто-то сзади. – К полудню его привезли, с базара! От Девада!

– Первый день? – хмыкнул черпальщик. – В первый день еды не положено. Завтра я принесу тебе чашку и кружку. Если раньше не осудят.

– Осудят, – хмыкнул стражник позади черпальщика. – Завтра его в суд поведут. Девад на него сильно зол. Парень челюсть сломал его брату, шум устроил на рынке. Могут и повесить.

– Не повесят, – буркнул другой стражник, довольно-таки доброжелательно глядя на Жересара. – Брюск обнаглел, зарвался! Среди бела дня уже начал людей щемить! Давно надо было ему укорот дать! Сюда ЕГО надо, а не этого мужика. Эй, дайте ему чашку и кружку! Пусть поест. Ему и так сегодня крепко досталось. Есть свободные чашки?

– Есть, Эбар! – Из очереди вышел парнишка лет двадцати с узким хитрым личиком. – Целых четыре чашки освободилось и четыре кружки! Четыре покойника у нас, парни.

– Это как так? – нахмурился стражник. – Кто? Зарезали, что ли?

– Да нет, – пожал плечами другой, мужчина лет сорока, с воспаленными красными глазами пьяницы, – никто их не трогал. Как сидели, так и сидят. Дохлые. А вон тот пошел к нему – поговорить, видать. И упал. Тоже дохлый. Мы их не трогали, как сдохли, так они и лежат.

– Этого еще не хватало, за него только что внесли... – пробормотал первый стражник. – Эй, не трогай труп! Я сам посмотрю! Вот не было еще проблем...

Глава 2

Жересар наелся липкой каши с кусочками мяса – как ни странно, еда была вполне приличной, съедобной. Поразмыслив, пришел к выводу, что, выдавая приличную еду, власть таким образом бережет своих «авторитетных людей» – иначе с кого получать деньги? Дойную корову нужно беречь, кормить. А что такое темница, как не загон с «дойными коровами»? Судя по тому, что Коста услышал от заключенного и от стражников, девяносто процентов тех, кто сюда попал, скоро выйдут на волю за большую или маленькую мзду. Останутся лишь те, кто не интересен власти. Он, Жересар, например. Или вон тот пьяница – если не найдет денег на взятку.

Ночью лекарь снова летал. Тем более что, как оказалось, в бесплотном состоянии спать ему не надо – тело-то ведь отдыхает, а чего отдыхать душе? Душа всегда бодрствует. Есть ей не надо, пить не надо, спать не надо.

Вообще-то Жересару даже понравилось быть бесплотным духом. Летишь куда угодно – чистый разум, свободный от страстей и боли. Ничего не хочешь, ничто не отягощает. Вот если бы только не был привязан к старому, избитому и поломанному телу, если бы мог существовать без него. Полетел бы тогда в столицу, и...

Картины одна ярче другой проплывали в воздухе – вот он убивает трех членов Совета, предателей, убивших своего короля и королеву, вот добирается до Великого Атрока – и она ничего не может с ним поделать.

Впрочем, может, она не виновна в убийстве его детей? Имар ведь дрался как раз с ее врагом, бывшим любовником этой страшной женщины. Страшной – когда-то. Теперь она лекарю не страшна. И кстати, можно было бы решить проблему Неда – угробить ее раньше, чем она доберется до паренька.

Нед, Нед... Он был Жересару как сын! Лекарь всегда хотел иметь такого сына! Умный, порядочный, сильный... нельзя оставить его без помощи. Жаль Санду – Нед будет горевать, сильно горевать. Но он молодой, найдет себе женщину... а вот он, Жересар, – как он сможет вернуть таких сыновей? Шальных, немного беспутных, но дорогих, дороже жизни...

Жересара накрыла волна горя, и он загнал его поглубже – горе мешало логично думать, принимать взвешенные решения. А решение нужно было принять, и быстро.

«Итак, что я имею? Способность проникать сквозь стены в бестелесном виде. Но воздействовать на объекты могу. Кто я? Демон? По всем признакам – да! То есть сейчас я как-то управляю демоном, впитавшим мою душу. Стоп! А если не так? Если я впитал демона, а не он меня? Тьфу! Что так, что эдак – какая мне разница? Главное, демон мне подвластен. И встает вопрос другой – как выйти из темницы? Попробую рассуждать логично.

Итак, чтобы выйти из темницы, надо ее открыть и выйти. Чеканные выводы! Звенящие, как сталь! И глупые. Без моего живого мозга, похоже, думается плохо.

Ладно, идем дальше. Открыть дверь могут только стражники. Значит, нужно как-то заставить стражников выпустить его наружу. Как? А вот как он, «демон», управляет своим телом? Если попробовать заставить стражника открыть темницу? Ну могу же я управлять своим телом? А его телом? Почему и нет? В любом случае – пока не попробую, не узнаю. Так. Хорошо. Открыл, вышел – дальше что? Без денег – как жить? Воровать на базаре? Впрочем, в грузчики можно пойти, сила пока есть.

И какого демона я сейчас решаю, что будет ПОСЛЕ, пока это ПОСЛЕ не наступило? Действовать надо, а не строить планы! Сказано древними: «Если не знаешь, что делать, делай шаг вперед!»

Жересар мгновенно переместился туда, где в караульной сидели пятеро стражников ночной стражи. Они сидели за дощатым столом, катали игральные кости и вяло переругивались, вспоминая какие-то служебные дела и дружно ругая сержанта, который несправедливо вычел из их жалованья по целому золотому за какие-то прегрешения.

С кого начать? У кого ключи, кто здесь главный? Минут десять Жересар пытался решить, кто тут командир, но так и не понял. Знаков различия не было. Ключи висели на стене – вязанка здоровенных ключей от всех пяти камер.

В этой темнице было пять камер, и на каждой висело два здоровенных замка, запирающие стальные засовы. Лекарь сразу сделал вывод: если взять ключи, незаметно для остальных стражников дверь не откроешь, лязгу и грохота будет на всю округу.

Итак, с кого начать? Вероятно, с самого большого и сильного, чтобы мог сопротивляться остальным. Кто из них?

Осмотрел всех – нет, мужчины, выделяющегося особой статью, не имеется. Все какие-то усредненные, плюгавые, как будто их недостаточно кормили. Удивился – какого демона такую мелкоту берут в стражники? Недомерки! Потом решил: а зачем тут, в тюремщиках, особо сильные люди? Замок запереть много силы не надо. А если перевозить заключенных – так все равно им не доверят, пришлют кого-то поосновательнее. Ну, наверное, так. Жересар в тюремщиках не разбирался, потому мог лишь строить предположения.

Тогда – кто попадется, тот и будет жертвой!

Стоп! Слетать, посмотреть – что с телом! Метнулся, завис над собой – все в порядке. Камера спит, храпит и пускает газы. Можно заняться делом.

Назад, в караулку.

Повис над одним, шустрым человечком, виртуозно матерящимся, когда кости ложились не так, как ему надо.

Рывком – в голову! Ну! И?!

Стражник вздрогнул, схватился за голову и замер, покраснев, как вареный краб.

Жересар не ожидал такого ожесточенного сопротивления – душа стражника сопротивлялась со всем отчаянием человека, борющегося за свою жизнь. Жересара выталкивало наружу, как пробку из бутылки с игристым вином, и он изо всех сил сопротивлялся, пока его все-таки не выкинуло наружу, – стражник оказался человеком с железной волей.

– Что? Что с тобой? – забеспокоились сослуживцы стражника, но лекарь не дал своей жертве возможности ответить. С яростью, достойной демона, он снова бросился на приступ чужого мозга.

Рывок, сопротивление, и... хлоп! В нос ударил запах дешевого вина, пота, оружейного масла и железа. Где-то в глубине мозга копошился червячок сознания стражника, загнанный в свою норку, но тело уже было под контролем лекаря.

– Все в порядке, – хрипло сказал стражник-Жересар и, взяв со стула тряпку, протер лоб, вытирая выступивший пот, – поиграйте пока без меня. Я пойду воздухом подышу.

– Ты чего? Ты же знаешь – нам нельзя покидать пост! У тебя что с головой?! Узнают – вылетишь со службы, как птица!

– Да, да... знаю, – буркнул Жересар и встал, – ноги разомну. Без меня играйте.

Стражники пожали плечами – мол, как хочешь. Жересар отошел к стене за спинами своих коллег и огляделся в стражницкой, потягиваясь и проверяя, как работают руки и ноги.

Странно было ощущать себя в другом теле – каком-то мелком и слабосильном по сравнению с собственным. А еще – нарастало что-то вроде зуда, как будто организм старался исторгнуть из себя чуждый разум. Похоже, нужно торопиться.

Постояв минуты три, Жересар взял в руки короткую деревянную дубинку с петлей на конце, просунул руку в петлю, прикинул оружие на вес. Дубинка была

увесистой, окованной стальными кольцами для крепости, и махать ею не так просто. Серьезное оружие, особенно против невооруженных заключенных и стражников, сидящих без шлемов спиной к нападавшему.

Бам! Бам! Бам! – Дубинка со стуком врезалась в черепа стражников, и они повалились на пол, как деревянные чурки, – только загрохотало надетое на них железо.

– Ты что?! А-а-а! Ты что?! – Четвертый стражник, сидевший лицом к лекарю, вскочил на ноги и, отпрыгнув к стене, потянул из ножен меч, ухватив рукоять трясущейся рукой.

Спасло положение то, что рукоять, сквозь которую был протянут кожаный ремешок, стражник привязал к ножнам, видимо для того, чтобы не выпал клинок, когда меч снят с пояса, – дома например. Чтобы вытащить меч, надо дернуть за кончик завязки, распустить узел. А догадаться развязать узел, после того как увидел бессмысленное, безумное нападение своего товарища, которого знал много лет, стражник просто не смог. Мозг впал в ступор от страха и нереальности происходящего. И, получив удар тяжелой дубинкой, стражник отключился.

Жересар хотел присесть на скамью – ноги противно дрожали и накатывала слабость. Нападение на стражников едва не лишило его сил, а кроме того, пришлось удерживать непокорное тело в подчинении. Оно тряслось, дергалось и грозило выйти из-под контроля. Нужно торопиться.

Лекарь мог убить всех стражников легко и просто – как сделал это с преступниками. Но то были преступники, а это... это все-таки солдаты, несущие свою службу. И они ему ничего не сделали. Даже сейчас он не мог пойти проторенным путем, остатки прежнего Жересара не давали ему это сделать. Так что пришлось использовать дубинку – глушить, рискуя провалить операцию. Впрочем, чем он рисковал? В случае провала он все равно мог вернуться к первому варианту – всех убить.

Сорвав со стены связку ключей, стражник-Жересар побрел по длинному, тускло освещенному коридору туда, где над дверью камеры мерцал масляный фонарь. Подойдя к двери, долго возился, отыскивая нужные ключи, пробовал, пока не подобрал, и через десять минут оба замка были вынуты из петель. Аккуратно,

чтобы не зашуметь, один за другим положил замки на пол, с трудом отодвинул тяжелые полосы засовов и, сосредоточившись, погрузился в организм стражника, выскочив из его мозга. Подумал секунду, каким образом свалить этого человека, и не нашел ничего лучшего, как пережать сосуд на шее. Жересар знал: если на некоторое время перекрыть этот сосуд, человек теряет сознание на несколько минут, что и требовалось.

Стражник мягко осел на пол, так и не успев понять, что случилось, а лекарь выскочил из чужого тела и метнулся к себе, с облегчением заняв родной организм.

Жересар поднял голову, прислушался – тихо, темно. Все спят. Встал и, тихо, аккуратно шагая, стараясь не задеть спящих людей, пошел к двери.

Дверь открылась неожиданно легко – лекарь ощутил, насколько его собственное тело мощнее хилого тела стражника, для которого физические усилия раз в десять более трудоемки. Впрочем, петли этой двери были, видимо, хорошо смазаны.

Длинный коридор вывел к лестнице, поднимающейся вверх, к стальной двери, на которой тоже висел замок. Жересар открыл и его, бросил на ступеньку, не заботясь о тишине, рванул дверь и, глотая свежий ночной воздух, выскочил наружу.

Широкий двор, окруженный высокой стеной. Ворота, возле которых стоит одинокий стражник, прислонивший копье к стене. Опершись спиной о камни стены, он дремлет, прикрыв глаза и напрашиваясь на штраф в размере месячного жалованья. Нет страшнее преступления, чем уснуть на посту! В Корпусе за такие прегрешения порют, превращая спину и зад нарушителя в кровавое месиво. Зато он на всю жизнь запоминает, что сон постового есть смерть для него и для его товарищей. Запоминает – если выживает, конечно. Бывает, после порки и не выживают.

Вот и сейчас – был бы часовой настороже, увидел бы громадную темную фигуру, крадущуюся к нему в ночи, поднял бы шум, ткнул бы в супостата стальным наконечником, оставив его кишки лежать на улице в пыли и плевках. А теперь что получил? Удар гранитным кулачищем по макушке, отчего его слабые разумом мозги едва не рухнули в штаны! И поделом! Скажи спасибо, что башку

не снесли.

Долой ключи с пояса стражника, калитка открыта, и... вот она, свобода! Только что с ней делать?

Жересар досадливо сплюнул – почему не обыскал тех пятерых стражников? Почему не забрал у них деньги?! Вот что значит вбитые в голову дурацкие понятия о порядочности! Нельзя мародерничать, нельзя обворовывать тела павших! Если это не вражеские солдаты, конечно. А он, Жересар, как идиот, до сих пор не поймет, что он на войне, что все вокруг суть враги и относиться к ним нужно как к врагам! Долой понятия о чести, порядочности! Целесообразность – вот что должно занимать голову, вот что должно быть положено в основу всех действий!

Вернулся, пошарил по карманам часового – нашел три серебряника, десяток медяков. Негусто. Ну а кто берет на службу много денег? Хорошо, хоть это есть.

Черная луна уже вышла на небосвод. Глубокая ночь. Куда идти? Что делать? После того что лекарь тут устроил, его будут разыскивать – это точно. Значит, куда-то нужно спрятаться. Легко сказать – спрятаться, при его-то габаритах.

Где можно затеряться дереву? В лесу. Человеку? Где всегда много людей?

На рынок нельзя. Там его хорошо запомнили. В порт? Да, скорее всего – в порт. Если Нед появится в городе – обязательно в конце концов окажется в порту. Он же собирался к ардам, а к ардам без корабля не попадешь.

Набрав раздувшимися ноздрями прохладного ночного воздуха, Жересар зашагал по мостовой вниз, туда, где под красной луной тускло отсвечивала морская гладь. Любой человек знал: в порту легко можно устроиться на корабль и никто не спросит – кто ты, откуда, зачем завербовался. Главное, чтобы ты работал и беспрекословно подчинялся капитану. Иначе – будешь висеть на рее, как мешок с тряпьем. Капитан на корабле – король. И когда ты подписываешь контракт или ставишь в нем крестик по причине неграмотности, ты отдаешь себя в безраздельное владение капитану. Это не рабство, нет, но что-то похожее на него в таком подневольном положении имеется.

* * *

По щеке что-то ползло. Отвратительное, многоногое, ядовитое. Щелкали жвала, капал яд, и многоножка приближалась к горлу, туда, где пульсировал сосуд, подводющий кровь к голове. Сейчас – укус! И смерть. От яда этих многоножек не было противоядия! Лекарь Жересар знал это наверняка.

Многоножка неожиданно начала расти, стала величиной с крысу, потом с небольшую собачку и вдруг, раскрыв жвала, сказала тонким пронзительным голоском:

– Спит! Глянь! Мож, покойник?

Жересар вскинулся, вскочил... и со всего размаха врезался головой в ветхий борт перевернутой лодки, обрушив за шиворот поток мусора и букашек, тут же занявшихся веселой беготней по широкой спине лекаря. От лодки с визгом и смехом побежали двое мальчишек и девчонка – чумазые, растрепанные, типичные дети города.

В столице таких маленьких бродяжек много. В провинциальных городках их было меньше. Почему? Видимо, люди там отзывчивее, чем столичные жители, и не позволяют детям оставаться беспризорными. А может, сирот в провинции меньше потому, что столица вечно бунтовала или воевала, а значит – тут и поломанные судьбы, и беда, и сироты, и беспризорники.

Впрочем, лекарь обычно об этом редко задумывался. Как и все обычные люди, он проходил мимо маленьких живых осколков жизни, спеша по своим важным делам. И только теперь, оказавшись на самом дне, бездомный, голодный, без крыши над головой, он почему-то вспомнил тех, столичных, детей и горько усмехнулся – теперь и он беспризорник. Беспризорный старик...

Жересар выполз из-под лодки, поднялся, отряхнув колени, и хмуро, уже без улыбки, посмотрел вслед детишкам. Вообще-то он уже давно не смотрел весело. Чему веселиться-то? Это проклятые боги сговорились испытывать на нем всю свою изощренную фантазию. Проклятые небесные извращенцы! Лекарь сплюнул, потом не выдержал и погрозил небесам кулаком – хрен возьмете!

Для верности устремив в небо еще и неприличный жест, адресованный Создателю и богине любви вместе с богиней смерти, лекарь побрел по берегу туда, где виднелся высокий забор, ограждавший порт. Ночью Жересар попытался войти на портовую территорию, но охрана его завернула, заявив, что в эту пору в порт могут войти и выйти только те, кто имеет специальное разрешение от портового начальства. И чтобы он сваливал отсюда, пока не получил по башке древком копья.

В очередной раз получать по башке Жересар не хотел, потому ушел от караулки со всей возможной скоростью.

Где-то все-таки нужно было перебыть ночь, потому, обойдя порт по широкой дуге, под деревьями, торчавшими возле косогора, лекарь подыскал под ночлег старую рыбацкую лодку, некогда выброшенную на берег могучей рукой морского ветра. Ночь была тихой, чистой, звездной, безветренной, так что замерзнуть Жересар не боялся. Следовало скрыться от любопытных глаз – до того часа, когда откроется проход в порт. На всякий случай. После того что с ним произошло в Шусарде, лекарь не собирался пускать дело на самотек. Хватит глупых приключений.

До утра оставалось совсем немного – часа три-четыре, и провести их лекарь решил как можно комфортнее, если считать за комфорт кучку прелых рыбацких сетей, пахнущих тухлой рыбой и пылью, – на них Жересар и устроился. Спал он как убитый и, похоже, во сне скатился с кучки сетей, после чего голова оказалась снаружи, высунувшись из-под лодки – чем воспользовались детишки, тыча его сухим прутиком, валяющимся теперь на гальке. Развлеклись, так сказать...

Жересар не знал, что берег моря возле порта служил нищим людям чем-то вроде банка, где они иногда получали неожиданные подарки в виде выброшенного на берег трупа, с которого можно неплохо разжиться одеждой или даже спрятанными на теле монетами.

Заметив спящего лекаря, дети вначале сочли его мертвым, чему очень обрадовались: такие подарки перепадали им не часто – взрослые нищие перехватывали все лучшие трупы, а каждое тело могло дать самое меньше два серебряника, а попробуй-ка их заработать в этом злом городе! А два серебряника – это много хлеба и много соуса, оставшегося в трактире после того, как все мясо из сковороды съели. Нет ничего лучше пахучего свежего

хлеба, макнутого в коричневую острую подливу! Увы, сегодня судьба не благоволила трем попрошайкам, которые скоро пополнят армию уличных воров и разбойников.

Солнце уже полностью показало свой сияющий лик суматошному миру, потому следовало поторопиться. Ворота в порт открывались с рассветом, и там уже кипела бурная деятельность – причаливали суда, не успевшие пришвартоваться до закрытия, грузились те, кто провел ночь у причала, и отходили груженные суда.

Через полчаса Жересар приблизился к открытым воротам. Предварительно он как следует вымылся освежающей морской водой и прополоскал испачканные в крови рубаху и куртку, решив, что при первой же возможности выстирает их в пресной воде, иначе соль испортит одежду, а ее было маловато.

В воротах на него никто не обратил внимания. Ну, идет себе мужик звероподобного вида, и пусть идет – тут каждый второй грузчик то ли зверь, то ли бык – особенно когда побегают с тюками весом с человека.

Первое, на что посмотрел лекарь, – нет ли того судна, на котором он прибыл. Почему-то ему казалось, что легче договориться с тем капитаном, который привез его в Шусард. Однако того корабля уже не было. Похоже, он уже загрузился и отправился в обратный путь. Тогда предстояло решить, на какой корабль попроситься.

Жересар пошел вдоль кораблей, поглядывая на высокие корпуса, торчащие над причалом. Торчали они не очень высоко, на локоть-два – с причала, приподнятого над берегом, удобно грузиться, а для чего еще служить причалу, если не для погрузки? С высоты своего роста лекарю хорошо было видно, что происходит на палубе, и Жересар искоса разглядывал суда, не решаясь сунуться на первый попавшийся корабль.

Куда он точно не хотел попасть – это на работорговый корабль. И не потому, что Жересар боялся пополнить состав рабов, обитающих в Замаре. Просто он терпеть не мог работорговцев. Они казались ему подлыми, мерзкими типами, перед которыми меркнут прегрешения воров и разбойников. Владеть человеком ему не нравилось. И он считал это попускание богов неправильным делом. Впрочем, в мире много чего неправильного – например, есть мужчины, которые

занимаются любовью с такими же мужчинами, как они сами. Отвратительно? Но боги это попускают. Только вот он, Жересар, не обязан следовать этому попусению. Так обстоит дело и с рабовладением.

Рабы? Он был равнодушен к рабам. Каждому своя доля. Они ведь как-то попали в рабы? Допустили это? «Наказания без вины не бывает», – ходила в народе древняя пословица.

Лекарь не совсем был согласен с этим доисторическим утверждением, но, по сути, в чем-то оно верно – в рабы частенько попадали те, кто косвенно был сам виноват в своей беде. Те же преступники, например, – зачем воровали и грабили? Чего теперь на судьбу пенять? Если, конечно, забыть, что Жересар сам едва не пополнил состав гребцов на карюге, то... в общем, наплевать ему было на рабов. Самому бы выжить. Но служить на судне уродов-рабовладельцев не собирался. Как и на судах, где использовали для передвижения не только паруса, но и весла, к которым приковывались эти самые рабы.

Рабовладельческие суда и суда, где работали узники-гребцы, легко узнать. Такие корабли воняли. Никто ведь не выводит рабов для отправления надобности – вот и превращались эти суда в плавающие сортиры. И потому Жересар сосредоточенно принюхивался, подходя к каждому судну, исключая из потенциальных работодателей рабские карюги.

Теперь нужно было определить – какие суда из оставшихся ему подойдут. Новые, богатые суда следовало отсеять – подозрительный громила вряд ли найдет на них работу. А вот суда поплоче, те, что занимаются исключительно грузовыми перевозками, потрепанные и неприхотливые, – это его будущее.

Жересар не знал, что, по сути, повторяет путь Неда, некогда решавшего ту же задачу. Если бы тому не попался вербовщик в армию – кто знает, где бы сейчас был Нед и что бы с ним случилось. В этом порту он подписал контракт и стал солдатом Корпуса морской пехоты. Лекарь же прошел мимо вербовщика отвернувшись – так, на всякий случай. Не дай боги узнает. Начальник лекарской части Корпуса был слишком заметной личностью, и капрал-вербовщик его знал.

Спрятавшись за грузчиком, несущим здоровенный тюк невытой шерсти, Жересар проскользнул мимо будки вербовщика – ни к чему разговоры о том, что кто-то видел исчезнувшего лекаря в порту Шусарда. Ведь он числится в розыске,

хотя официально это и не объявили. Пока этот розыск на уровне слухов. Однако в любой момент Совет может разослать приказы по всем городам, и тогда – снова темница. И в другой раз, возможно, он не сможет выбраться из нее так быстро. Впрочем, почему-то лекарь не сомневался, что выберется из любой темницы. Вот только жертв при этом будет гораздо больше. А несмотря на то, что Жересаром владел демон... или сам Жересар владел демоном?.. В общем, он не хотел лишних жертв. Но при этом знал – если придется, если не будет другого выхода, убьет без малейшего колебания. Вы хотели получить зверя вместо лекаря, спасающего жизни? Вы его получили. И теперь не плачьте, что он слишком жесток. Можете пожаловаться Создателю...

Пройдя вдоль причала шагов двести, Жересар наконец-то выбрал корабль. По крайней мере, ему показалось, что это именно то самое судно, что он искал.

Старый, но крепкий пузатый «купец», с высокой кормовой надстройкой, надежным, исправным парусным снаряжением, довольно чистый, хотя и потрепанный временем и ветрами. Его трюм был раскрыт, и грузчики таскали оттуда чушки металла, напрягаясь и поблескивая на солнце мокрыми от пота мускулистыми загорелыми спинами. За процессом разгрузки наблюдал корабельщик, время от времени недовольно поглядывая на высоко стоящее в небе солнце. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти с окладистой бородой, одетый так, как одеваются купцы средней руки во всем мире – широкие штаны, жилетка, украшенная золотой вышивкой, блестящая шелковая рубаша, шапочка, покрывающая лысоватую голову, и на ногах мягкие сапоги – хотя в жару лучше ходить в сандалиях, но солидному купцу не пристало сверкать голыми пятками. Видимо, это был владелец груза, нанявший корабль для перевозки.

Жересар немного постоял, обдумывая, что скажет корабельщику, и невольно вздохнул – ему ужасно не хотелось уезжать из Шусарда, так и не разузнав о Неде. Но что поделаешь? А если его снова повяжут, когда он появится в городе? Нет уж, на некоторое время нужно отсюда убраться. Вернуться он еще успеет.

Решившись, шагнул к корабелу, повернувшись спиной к грузчикам и наблюдавшему за тем, как трое матросов, по пояс голые и босые, драют палубу возле командирского мостика. Делали они это вяло, без огонька, и корабел кривился, глядя на потуги изобразить бурную деятельность. Посмотрев минуты две, мужчина разразился серией такой отборной брани, что Жересар усмехнулся – корабелу могли позавидовать и сержанты Корпуса, великолепно владеющие этим универсальным языком общения с подчиненными, не желающими

выполнять свои служебные обязанности. Впрочем, на бездельников эта тирада подействовала меньше, чем никак – матросы продолжали скрести палубу так же вяло, как и раньше.

– Уважаемый! – Жересар перехватил корабела, собиравшегося перепрыгнуть на палубу корабля, вероятно для того, чтобы покарать ленивых нечестивцев. – Могли ли я получить работу?

– А чего умеешь-то? – раздраженно спросил корабел. – Вино жрать? Воздух портить? Таких придурков у меня уже хватает! Эй, ты, вша покалеченная! Ну чего ты ласкаешь палубу, как бабу?! Да прижимай ты, тварь, прижимай скребок! Найду хоть одно грязное пятно, я тебя задом протащу по нему столько раз, сколько понадобится, чтобы твоя задница стерлась до самого брюха! Да что же ты, гнида, делаешь?! О боги, зачем вы послали мне этих идиотов!

– Ну, так что насчет работы? – осведомился Жересар, с интересом глядя, как один из матросов вдруг выbleвал на только что очищенную палубу. – Будет работа или нет?

– Работы полно, – страдальчески скривился корабел, – только видишь, что делается? О боги... ну за что ты мне посылаешь эти испытания?! Этого только не хватало...

– Что, желудочные колики? Отравились? – спросил лекарь, глядя на бледных матросов. – Рвет не с кровью? Лекаря из города вызывали? Похоже на отравление.

– Да какой лекарь, ты чего? – встrepенулcя корабел. – Сейчас вызови, так они шум подымут, решат – чума! А у меня груз, его отдать надо, а за каждый день простоя убытки! Какие, к демону, лекари?! Стоп. Ты кто? Ты что, лекарь?

– Лекарь, – кивнул Жересар. – Вот ищу работу.

– А где твои снадобья? Где вещи?

– Нет снадобий и вещей, – хмыкнул Жересар, – потерял. Тут такой город, что можно и не только вещи потерять, но и голову. Мне работа нужна. Если хотите,

чтобы на борту был лекарь, принимайте.

– Лекарь, лекарь... – задумчиво проговорил корабел. – Был у нас лекарь. Спился и выпал за борт. Ночью. Теперь лекаря нет. Впрочем, одновременно он был еще и повар. Мы не можем себе позволить держать отдельного лекаря. Это же не военный корабль, у нас всего десяток матросов команды. Сколько хочешь получать за работу? Ты будешь и лекарем, и поваром.

– А сколько предложите жалованья?

– Хм... багажа нет, снадобий нет... похоже, в городе для тебя горячо. Отравил кого-нибудь? Прибил мужа любовницы? Рожа-то у тебя вон какая разбойничья... а речь правильная... Нездешний? Не из столицы? Да ладно, ладно... не наше дело. Пошли со мной. Пошли, пошли. Я помощник капитана, сейчас с капитаном поговорим. Погоди-ка... Эй, парни, скоро закончите?

– Часа через два! Потом грузиться начнем. До вечера справимся!

– Хорошо. Пошли. Как тебя звать?

– Меня звать... – Жересар запнулся, после секунды промедления прогудел: – Герсер меня звать. Герсер!

– Ну что же... Герсер, – помощник капитана ухмыльнулся, сделав паузу и дав понять, что он знает: имя лекаря фальшивое, – я думаю, что тебе хватит золотого в неделю. Ну и питание, конечно. Согласен?

– Согласен, – усмехнулся Жересар, который когда-то имел жалованье, сравнимое с жалованьем полковника, и свободно мог купить такой корабль, как этот. – Но мне нужны снадобья, чтобы я мог полечить этих парней. Можете послать кого-нибудь к травнику?

– А сам? А! Понял. Боишься идти в город. Напишешь – я pošлю матроса. Идем к капитану – черкнешь пару строк, и все, ты член команды. Надолго?

– На рейс. Когда корабль вернется сюда – я сойду на берег. Устроит вас?

– Хм... – нахмурился помощник. – Всего на рейс? Ну да ладно – на рейс так на рейс. Но вылечишь всех наших. Смотри, если ты врешь, что настоящий лекарь, получишь палок. Не люблю вралей!

* * *

– Стой! Ну, стой, что ли?! – Жересар разозленно рявкнул, но матрос продолжать качаться, как пьяный, потом закатил глаза и рухнул на пол, забившись в судорогах и пуская пену.

Лекарь ошеломленно посмотрел на парня, потом резко наклонился и, схватив рубаху матроса за подол, дернул ее вверх. Посмотрел – и отшатнулся, закусив нижнюю губу:

– Чума! Это чума!

Жересар пощупал сосуд на шее парня – пульса не было. Тогда лекарь сел на стул, приделанный к полу, и бессильно бросил руки на колени. Что делать?

В своей жизни он единожды сталкивался с чумой. Давно, когда лекарю было двадцать с небольшим лет. Он только что окончил лекарскую школу при офицерской академии и был распределен в Корпус – чему способствовал приятель, Хеверад. И по дороге в Корпус молодой лекарь остановился в трактире, находящемся в деревушке возле тракта. И вот туда пришла чума.

Откуда она бралась – никто не знал. Поговаривали, что ее приносили звери, из леса. Достаточно было повредить руку, когда разделываешь дичь, или съесть непрожаренное мясо больного животного – и вот тебе чума. Но в Замаре уже давно не видели этой болезни, которая считалась наказанием богов за человеческую гордыню. Когда люди начинали считать, что стали равными богам, те насылали чуму.

Жересар прикрыл глаза и чуть не застонал, вспомнив, как сегодня утром ругал Небеса и показывал им неприличные жесты в своем яростном безумии. И вот результат – чума! Неужели из-за его прегрешений погибнут теперь все члены экипажа судна, а потом еще и жители города? Необходимо срочно уводить корабль, иначе беда! Вот это вляпался! Куда там темнице... эта напасть гораздо

хуже!

Поднявшись на ноги, лекарь тяжело зашагал к лестнице, ведущей из кубрика на палубу. Нужно было предупредить капитана и помощника, а еще – быстро валить отсюда. Во-первых, чтобы не заразить весь город, во-вторых, чтобы их не сожгли вместе с кораблем. Чума «лечилась» единственным способом – дома, где жили чумные, сжигали вместе с больными. Иногда – еще живыми. Впрочем, после того как на них появлялись чумные нарывы, жить больному оставалось считанные часы, а иногда – минуты. Так что тех, кто еще шевелился и даже соображал, считали мертвецами.

Поднявшись на палубу, лекарь нашел взглядом помощника капитана, разговаривающего с каким-то человеком – видимо, хозяином горы тюков, сваленных перед широким трапом. Подошел и, тронув помощника за плечо, предложил:

– Давай отойдем на пару слов.

– Ты не видишь, я с клиентом разговариваю?! – возмутился мужчина. – Потом поговорим! Уйди, не мешай!

– Сейчас поговорим! – прогудел Жересар, глядя на мужчину сверху вниз темными запавшими глазами. – Это не терпит отлагательства!

– Уважаемый, подождите, мы через пару минут договорим, – мягко сказал клиенту помощник капитана и, отойдя за Жересаром шагов на десять, яростно фыркнул: – Ты охренел?! Ты имеешь понятие о том, как вести себя на корабле? С начальством?! Подождать не мог, что ли?!

– Чума, – коротко кинул лекарь, и лицо мужчины сделалось землисто-серым, чему не помешал даже густой морской загар, делавший морехода похожим на чернокожего с южного континента.

– Ты уверен? Может, ты ошибаешься! Может, какой-то чирей принял за чумной нарыв! – спохватился он, недоверчиво мотая головой. – Откуда я знаю, может, ты такой же лекарь, как я – глава города Шусард?!

– Тот матрос, которого я обследовал, уже мертв, – мрачно сообщил Жересар. – Если хочешь, сходи в кубрик и посмотри на его нарывы. Если ты когда-нибудь видел чуму, сразу ее узнаешь. Ошибиться невозможно.

– О боги, боги! – застонал помощник капитана. – Что же это будет-то?! Если кто-то узнает, нам конец! Что же делать, что же делать?!

– Где остальные матросы? В городе есть кто-нибудь?

– Нет. Все на борту. Мы же под погрузкой. Пока не загрузимся, никаких отпусков – закон. Я даже дома еще не был. И капитан не был.

– Никакой загрузки. Уходить надо! – буркнул лекарь. – Вы все заражены. И я с вами тоже. И, возможно, весь город. Матросы ходили в город?

– Нет. Я же сказал – пока с грузом не решили, в город ни ногой. Да и плохо они себя чувствовали. Думал, перепили лишнего... у них попойка была по приходе в порт, заблевали все. И я их наказал, заставил палубу драить.

– Грузчики спускались в трюм... хозяин груза заходил на борт... все равно чума могла выйти. Ладно – уходить надо! Гони отсюда купца и отчаливай!

– И таможенники заходили... ой-ей... Если вспомнят, что они заболели после того, как поднялись на борт корабля – нам конец! Убьют!

– Ты вначале выживи – чтобы кто-то тебя убил. Пошли к капитану.

– Ты чего раскомандовался?! – вспыхнул помощник и тут же увял. – Да, пошли. Какая теперь разница, кто командует и по праву ли – все равно подыхать!

* * *

– Шансы выжить есть? – Капитан был спокоен и сосредоточен. На его лице, изборожденном морщинами, воцарилась мрачная покорность судьбе – моряки видали всякое, нечего вопить и биться головой о стену, если корабль тонет, – надо откачивать воду!

– Процентом десять выживает, – хмуро бросил Жересар. – То есть из двенадцати человек выживут в лучшем случае двое. У двоих уже нарывы, пятеро плохо себя чувствуют, их лихорадит. Остальные вроде в норме – но это ничего не значит. Они могут быть уже заражены, но пока этого не ощущают. Чума может выскочить в любой момент.

– Может, встанем на рейде? Поднимем чумной флаг? – предложил помощник. – Тогда тот, кто выживет, сможет потом вернуться на берег, и...

– Что «и»?! – перебил капитан. – Спалят корабль, и все. А выжившего убьют. Уходить надо, правильно он говорит. Иди на мостик, подымай ребят. Пусть ставят паруса. Пока могут...

– А куда пойдем? Где отстоимся?

– В Черный Овраг пойдем. Встанем на рейде, в бухте. Вернее – не в Черный овраг, а... как они теперь называются? Черный город? Вот туда и пойдем.

– Уверен? Там же эти... дикари. А если что случится? Пираты же!

– Дурак! Нам теперь все равны – пираты или еще кто. Все равно подышать. Так, может, хоть пиратов с собой захватим – у меня к ним свои счета. Они папашу моего убили. И я когда-то чуть башку не сложил. Так что не жалко. А тут – город! Тут вся жизнь моя прошла, семья тут. И твоя семья тоже, кстати. Детей, внуков жалко. Уходим! Решено! В Черный город! «Не мир я вам несу, но чуму!» – кто так сказал? Да по хрену кто. Главное, теперь мы корабль Смерти.

* * *

– Сколько?

– Двое.

– За борт отправили?

– Да. С камнем на ногах, чтобы не всплыли. Еще трое на подходе.

- Итого – уже шестеро! Кто на руле?

- Поставил Никра. Ирган за бортом, больше некому править.

- Он же только что ходил, Ирган, как здоровый ходил?!

- Два часа – и готов. Он тех двух, первых, выбрасывал. Вот и поплатился. Руками взялся – и готов.

- Этих кто хоронил?

- Лекарь. Кстати, дельный мужик. Основательный.

- Был основательный. А теперь – как мы. Покойник.

- Не сказал бы. Если кто и выживет – так это он. Свежий, как янгар, только что сорванный с дерева. Хорошо, что он у нас есть. Хоть похоронит...

- Похоронит! – перебил капитан. – Это не похороны! Я всегда хотел лежать на берегу, в своем саду! А не крабам на корм! Ну что теперь сделаешь... лишь бы чума в Шусард не ушла. Не узнал, откуда она взялась? Ну, откуда наши ее принесли?

- Ты чего? Откуда я знаю? Это же Винург! Туда стекаются люди со всех лесов! Золотоискатели, рудознатцы! Где они могли подцепить эту пакость?! Как ты узнаешь? Возможно, что этого Винурга вообще уже нет... вымер на хрен, пока мы шли к Шусарду.

- Как думаешь, сколько времени живет чума? Ну, вот, к примеру, заболели на корабле, мы их выкинули, а сами взяли и не заболели. И дальше что? Сколько времени надо сидеть тут, чтобы стало ясно – нам ничего не грозит? Или грозит...

- Я что – лекарь? Спроси у него... а вот и он! Герсер, присаживайся. Капитан интересуется – если не заболеем, через сколько времени чума исчезнет?

Жересар уселся на табурет, привинченный к полу, положил на стол огромные руки, покрасневшие от мыла и горячей воды, в упор осмотрел капитана и его

помощника. Помолчал, затем глухо выдавил:

– Никогда. Никогда она не исчезнет. Вы что думаете – так просто сжигают дома, в которых жили чумные? Ради веселого огонька? Поплясать вокруг костра? Я читал в медицинских трактатах, что можно избавиться от чумы, если прокипятить вещи в крутом кипятке или замочить их в крепком вине, но... палубу в кипятке не сваришь и вином не пропитаешь. Корабль впитал заразу, и теперь она здесь навсегда. Мне жаль, парни...

– Не верю! Такого не может быть! – с болью сказал капитан. – Я сросся с «Рескаром»! Я всю жизнь на нем прожил! И что – сжечь?!

– Не сожжешь – гарантии, что чума не вырвется наружу, нет. У вас, вероятно, есть семьи? Дети? Подумайте о них. И о людях на берегу. Кстати, я так и не понял – куда мы плывем? Что за Черный город? Расскажите? Или это какая-то тайна? Пиратский город? Что за пираты?

– Черный город. Арды там живут. Теперь арды живут. Раньше там была деревня – называлась Черный Овраг. А теперь – Черный город. Тысячи две ардов. Откуда пришли – никто не знает. Говорят, магией перенеслись, только я в эту хрень не верю. Болтовня базарная. Главный у них парень какой-то, маг. Говорят, зверь, вот какой парень. Ард. Звать его Черный. Нед Черный. И вот этот Нед... ты чего?! Герсер! Ты чего?!

Жересар резко вскочил с места, уперся руками в стол и навис над помощником капитана:

– Повтори! Как звать этого предводителя ардов?! Ну?!

– Ты чего раскомандовался? Нед его звать, и что? Это же ард! Он в Шусарде так нашумел, что до сих пор все его вспоминают. Народу поубивал – сотни! Там, в Шусарде, его люди остались – дом у него там. Охрана, его люди. Ардки ходят по городу, как у себя дома. А в Черном городе теперь крепость – уже почти построили. Он народу пригнал кучу, крепость буквально за неделю поставили. Денег выкинули на нее – немерено! Куда мир катится... пираты устраивают свою крепость на землях Замара! Твари! А ты что, знаешь его? Да откуда... ты же приезжий, так?

– Знаю... – Жересар уселся и бессильно опустил руки на колени. Ему хотелось рассмеяться и выругаться одновременно. Был в двух шагах от цели и не сумел найти кончик ниточки, которая приведет его к Неду! И вот – на чумном корабле! Ну не смешно ли? Боги есть боги. Все они, проклятые! Измываются!

Жересар скрипнул зубами и зажмурил глаза так, что они заблестели слезами. Ему было досадно и хотелось врезать себе по глупой башке. Уж лучше бы тот воришка украл его кошель! Зачем он его поймал?! Почему сразу не отпустил?! Все, все пошло кувырком. И теперь продолжает катиться вниз, как с горы, как запущенный кем-то камень! Может, боги запустили этот смертоносный камень в Неда? Может, он, Жересар, то оружие, которым жестокие боги собрались снести Неда? Ну уж нет... не получится! Демоны не дадут им умереть. А их люди? Ведь там Герлат, внуки Имара, их люди, арды – и что, им всем погибнуть?! Ох, боги!

– Ну что же, если и сдохнем, так хоть не зря, – усмехнулся капитан, – с собой ардов прихватим. Хоть какая-то польза будет! Встанем на их пристани. Они там вроде как порт строят. Эту пристань я знаю – глубокая, там и крупные суда могут подойти. А мы пустые, легко встанем. И когда арды придут на борт – ничего не скажем насчет чумы. Пусть подышают, твари!

– Нет, – тяжело сказал Жересар, – так пользы не будет. Никуда мы не встанем.

– То есть? Через час уже на месте будем, я смотрю, мы уже мыс Астуль прошли. Скоро будем на месте.

– Мы встанем на рейде и никого не пустим на борт. У вас есть чумной флаг? Я знаю, по закону должен быть. Так вот, встанем на рейде и подыдем чумной флаг. Понятно? – Жересар встал и выглянул в квадратное окошко каюты. – Не будет мора. Мы предупредим жителей Черного города.

– С какой стати?! – напрягся капитан. – Не будем мы никого предупреждать! Я здесь командую! Как скажу, так и будет! Пристаем к стенке и запускаем на борт ардов. Все, закончили!

– Я вам не дам пристать, – покачал головой лекарь и обернулся к капитану, спокойно глядя ему в глаза. – Вы обязаны предупредить людей. Иначе это будет вероломное убийство. Я не дам этого сделать.

– Ты не дашь?! – прищурился капитан и потянул из ножен меч. Меч в ножнах стоял за шкафом, и во время разговора капитан тихонько поставил его поближе к руке. Разговоры нового лекаря ему не нравились. Мутный человек Герсер, опасный.

– Я не дам, – кивнул Жересар, – будем стоять на рейде.

Капитан поднялся и кивнул помощнику, бросившемуся к открытому сундуку, где лежал армейский арбалет. В руке капитана блеснул недлинный широкий клинок, которым удобно работать в тесноте корабельных помещений. Арды для этого использовали тяжелые топоры, прорубающие любые доспехи.

– Бунт? Сейчас я отучу тебя бунтовать! – Моряк вышел из-за стола, шагнул вперед и, несмотря на то что был уже не первой молодости, сделал неожиданно быстрый выпад, встав в боевую стойку. Он не новичок в схватках!

То, что произошло после, повергло его в ступор. Меч пронзил грудь лекаря, неосторожно перешедшего дорогу отчаянному капитану, но громадный мужчина, не обращая внимания на торчащий клинок, шагнул вперед и нанес удар открытой ладонью, так, будто хотел дать оплеуху непослушному, шаловливому мальчугану.

Капитана будто сдуло порывом морского ветра. Он улетел в угол, врезался в сейф и затих там, не подавая признаков жизни.

Жересар выдернул из себя меч, сплюнул кровью, поморщился и шагнул к помощнику, трясущимися руками натягивающему арбалет, пробивающий стальную броню тяжелого латника.

– Не дури! – прогудел лекарь. – Не нужно бояться. Я тебе ничего не сделаю, если ты не будешь глупить. Нед, тот самый «зверь», – это мой друг. Можно сказать, мой сын. Положи арбалет и займись работой – нужно встать на рейде. Найди чумной флаг. Ну?! Прекрати!

Жересар шагнул к помощнику, но тот, вытаращив глаза, как рыба, которую вынули с огромной глубины, поднял арбалет и, направив его в лекаря, завизжал от страха и нажал на спусковой крючок.

Мощнейший арбалет, укрепленный магией, выметнул болт, который пробил тело Жересара чуть ниже печени, ударился в стену и остался торчать, дрожа, как его хозяин, повизгивающий от страха возле входа.

Лекарь поморщился, шагнул вперед и отвесил помощнику капитана оглушительную оплеуху, отбросив его на пол. Потом нагнулся, поднял мужчину за шиворот и под треск рвущейся одежды потряс, как щенка:

– Идиот! Делай то, что я сказал! Иначе я сам тебе кишки вырву, веришь?! Там, в городе, есть лекарь-маг, возможно, что он сумеет вылечить чуму! Но пускать корабль в порт нельзя! Люди погибнут! Ты понимаешь меня?! Нужно встать на рейд! Проверь, что там с капитаном. Ну, быстро! Ты же сказал – скоро будем у города, так что нужно поторопиться!

– Да, да, конечно! – выдохнул помощник, в глазах которого забрезжила надежда. Он бросился к капитану, нагнулся над ним, потом выпрямился и растерянно сказал:

– Он мертв! Голову разбил о сейф! Что теперь будем делать?!

– Да ничего, – поморщился лекарь и, витиевато выругавшись, вздохнул: – О боги, боги... – И добавил: – Готовься к постановке на рейд! Теперь здесь команду я! И не забывай: в любой момент могу тебя прибить как муху! Капитана – за борт. Он умер от чумы. Впрочем, так оно и есть... Кто виноват в его гибели, как не чума? Потом так и скажешь наследникам.

– Думаешь, есть надежда? – переспросил помощник, к лицу которого вернулись краски.

– Надежда всегда есть, – буркнул Жересар и шагнул к лестнице.

* * *

– Эй, на судне! Эй! – Звучный голос человека с баркаса долетел до мостика, на котором стояли Жересар и помощник капитана. – Что у вас случилось?! Почему чумной флаг?

– Потому что у нас чума, болван! – рявкнул лекарь. – Нед где? В городе? Герлат, это ты?

– Коста, дружище, это ты?! – послышался радостный голос мага-лекаря. Он взобрался на нос баркаса рядом с ардом-таможенником и весело замахал рукой. – Какими судьбами, друг?! Откуда ты здесь? Что с кораблем?

– Герлат, друг, беда! У нас чума! Настоящая чума! Не приближайтесь! Если можешь, забрось нам снадобий. Я тебе скажу какие. Не влезайте на корабль! У нас уже половина команды умерла! Герлат, мне надо сказать Неду важное – в столице бунт! Хеверад и Санда погибли! Погиб Имар! Мои сыновья погибли! Я пришел за Недом, чтобы отомстить гадам! Власть захватили три полковника, Военный совет! Нас всех объявили государственными преступниками! Ты слышишь, друг?! Если я не выживу, пусть он отомстит за моих ребят, за королеву, за Нулана, за Имара! Где он? Я хочу его увидеть!

Герлат молчал, не в силах справиться с комком, перекрывшим горло. На его глазах выступили слезы, потом маг справился с нахлынувшими чувствами и хриплым, сорванным голосом крикнул:

– Неда нет здесь, Коста! Он ушел в Ардию, к драконам! Нет его! И Харалд с ним! И мои ребята с ним! И когда вернется – я не знаю!

Над морем повисло молчание, и лишь ветер свистел в ушах, поднимая волны и срывая с них белоснежную, похожую на маленькие облачка пену. Оба товарища молчали, не зная, что сказать.

А что еще скажешь? Не так они представляли себе встречу, не так...

Глава 3

За несколько дней до появления Жересара у Черного города Нед плыл сюда, в родные места, из Шусарда, чтобы перенести Амелу в более надежное убежище и уже затем отправиться на поиски драконов.

– Возвращаемся! – Нед схватился за голову, будто боялся, что та сейчас лопнет, как гнилая тыква. Его трясло – нестерпимо, крупной дрожью, будто он несколько часов пробыл в ледяной воде, и казалось, что сейчас его сердце остановится от невыносимой нагрузки.

– Что? Зачем? – нахмурился Харалд, с испугом глядя на друга. – Что с тобой? Ты синий, как покойник!

– В город, быстрее, Хара! Нужно вернуться, забрать Гиру! Пока она там не померла! Если мне так хреново, что чувствует она? Впрочем, я знаю, что чувствует. Хреново ей. Помирает. Давай скорее, а то поздно будет!

– Говорил я вам, не надо оставлять девицу в городе, – хмыкнул Бордонар, со страхом глядя на Неда, – я же вам говорил, Гира должна быть рядом со своим двойником! Иначе...

– Ничего ты не говорил! – огрызнулся Нед. – Рядом – это как? На каком расстоянии? И с какого хрена она мой двойник?! Я всегда считал, что двойник – это копия! Что я, на бабу похож?! Врежу сейчас тебе, узнаешь, как меня бабой называть!

– М-да... ты поглупел со своей головной болью. Я имел в виду духовного двойника! Вы с ней духовные двойники, связанные между собой каналом между аурами. И вас нельзя разделять на большое расстояние. Видишь, теперь мы знаем предел расстояния. Сколько ли прошли? Двадцать ли, не больше, да? Капитан лучше скажет, ему виднее, но, на мой взгляд, примерно так.

– Ну что вы все болтаете, идиоты?! Кто-нибудь повернет этот демонский корабль?! – простонал Нед. – Изверги!

– Сейчас, сейчас! – Харалд дернул дверь каюты, выскочил, и минут через пять Нед почувствовал, как корабль, накренившись, делает медленный, плавный разворот – назад, к Шусарду.

Еще полчаса он чувствовал, как из головы уходит тянущая боль, как голова будто собирается в единое целое, до того расколота на мелкие кусочки. Ему было препогано. Теперь Нед окончательно понял – эта «гирия» повисла на его ногах крепко и на неопределенное время. На какое? Он не хотел об этом думать.

Не позволял себе об этом думать. Иначе ему захочется освободиться от этой женщины быстро и навсегда, и Нед не хотел проверять – действительно ли он умрет, если умрет Гира.

Нед перелопатил горы рукописей и книг, пока они сидели в Шусарде, искал, как можно освободиться от приворотного заклинания, которое на него наложила магиня, и не нашел ничего, что могло помочь. Оставалось или рисковать своей жизнью, уничтожив магиню, или оставить все как есть, заключив ее под стражу и занимаясь своими делами. И вот – теперь новое известие. Нед не мог заниматься своими делами, если магиня была от него на большом расстоянии. Теперь же стало ясно, на каком максимальном расстоянии она может находиться. И Неда все это совершенно не обрадовало.

– Ведь не тронешь. Не сможешь, – буркнул Харалд.

– Кого? – вырвался из своих раздумий Нед. – А! Понял. Да зло берет, точно. Но и жалко ее. Конечно, не смогу. Юрагор бы смог, я – нет. Хладнокровно перерезать ей горло? Ты думаешь, я не размышлял над этим? И такой вариант рассматривал. Честно говоря – заслужила. Но... не могу.

– Ты всегда был слаб на баб, – ухмыльнулся Харалд. – Хочешь, скажу почему?

– Ну-ка, ну-ка, скажешь? Я, кстати, почему-то считал, что спокойно отношусь к женщинам и не делаю из них божества, – поднял брови Нед. – Давай, выдай свою версию, а я послушаю! Что-то новенькое: Харалд выдает версию, вместо того чтобы запереться в каюте с красивой ардкой и...

– Не заводись, – перебил Харалд. – Да, ты всегда бы лакомым куском для женщин и всегда относился к ним не так, как к другим людям. Ты прощаешь им такие вещи, которые многие мужчины им в жизни бы не простили!

– Пример?! – резко бросил Нед. – По-моему, ты несешь чушь! Только раздражаешь! Пример давай!

– Хорошо. Давай вспомним. Санда, твоя любовь! Как она когда-то тебя женила на себе? Объявила: нажалуется, что ты ее изнасиловал. И что ты? Ты простил ее! Ты на ней женился! И потом, когда она дала свое согласие и вышла замуж за генерала Хеверада, пусть даже и под угрозой смерти. Но вышла! И если бы не

ты – спала бы с ним как миленькая и родила бы от него! Не так, скажешь? Ну не хмурься, не хмурься – так оно все и есть. Теперь моя сестренка. Она ведь с ходу на тебя глаз положила. С первой минуты, как тебя увидела. Помнишь, что она сказала? Что ты женишься на ней. И все то время, что мы путешествовали, она целенаправленно загоняла тебя в ловушку, как охотник загоняет зверя. И что, ты этого не знал? Знал. Ты умный парень, ты прекрасно все видел. Но позволил ей себя поймать. А с Гирой? С Гирой вообще смешно! Ты, полудемон, не знал, что с твоей кровью можно творить заклинания высшего уровня?! Что опасно давать кому-то для заклинания свою кровь?! Знал. Но позволил ей взять каплю твоей крови. Почему? Знаешь, почему? Потому, что в ней для тебя объединились две твои женщины – Санда и Амела. Она невероятно красива, шустра, как моя сестричка, и ты в нее влюбился. И как влюбленный осел позволил ей сотворить это с собой! Ну да, да, ты не знал. Но предположить-то мог! Ты же стреляный, битый-перебитый! Влюбился, рассиропился, растекся, как мед по столу, и... тебя сожрали! О боги! Все твои беды в женщинах! Ты побеждаешь демонов, магов, армии, а стоит показаться какой-нибудь красотке с твердой круглой попкой, так ты сразу падаешь на спину и поджимаешь лапки, как жучок гургуля!

– Сам ты гургуля, – усмехнулся Нед. – Кстати, откуда ты знаешь, что ее попка твердая? Уже пощупал, что ли? Скотина ты этакая... жеребец. Да, кстати, ты толковал чего-то про мою психологию и про то, почему я таю перед бабами и не могу дать им отпор. Почему я не поступаю так, как поступил бы «нормальный замарский мужик», и не даю бабам по морде?! И вот еще что – а чью ты версию озвучиваешь? Ни в жизнь не поверю, что это твои умозаключения. Тут пахнет учеными мозгами, заплесневевшими над научными трактатами.

– Вот видишь! Голова у тебя работает! А как бабскую задницу заметишь, так сразу разум теряешь! – хохотнул Харалд. – Ну да, мы с Бордо обсуждали проблему. И я с ним согласен!

– Лекари душ человеческих... хреновы, – хмуро буркнул Нед. – Кстати, радуйтесь, что я от бабской задницы разум теряю, а не от мужской.

– Ага! Нам бы только этого не хватало! Я бы сразу к деду сбежал! – расхохотался Харалд.

Ему вторил принц:

– Спасибо, Нед, что ты не из этих! Я бы тебя не полюбил!

– Тьфу, гадость какая, – сморщился Нед. – Бордонар, ты эту дурь придумал, ты и объясняй, раз начал. Объясните, почему я так падок на баб, прощаю им всякие пакости и... чего там еще? А! Доверчив с бабами. Верю им, хотя верить нельзя. И так, слушаю. Если объяснение не понравится – я тебе на голову надену помойное ведро!

– А тут нет помойных ведер, – опасливо огляделся принц. – Не буду говорить под лавиной угроз! Ученому невозможно работать, когда ему угрожают всякие солдафоны и черные маги одновременно! Ничего не скажу!

– А демона посадить в задницу? – вкрадчиво осведомился Нед. – Чтобы он тебе прочистил мозги с тылу? Да ладно, ладно – шучу я. Вроде головная боль прошла... Не представляете, как мне было хреново! И демон не помогал. И не знаю, почему не помогал. Может, и это объяснишь?

– Фантомные боли, – отрезал принц. – Это болит не тело, не мозг – душа болит. Ваши души соединены нитью, и она натянулась так, что чуть не оборвалась. Теперь нить снова расслабилась, и тебе стало легко. А что сейчас делает Гира? Скажи, за все время, пока вы связаны, она ни с кем не занималась любовью? Ты же все чувствуешь!.. И как ощущения? Ну не смотри, не смотри на меня так! Хара, я его боюсь! Глянь, как вытаращился! Демон, ну суший демон! Ай! Кидаться-то зачем? Тебе, значит, можно шутить, а мне нет? Про фантомные боли – это правда. Это описано в трактатах. Я нашел. Тело у тебя в порядке, болит душа. Демон душу не лечит. Он даже не ощущает, что у тебя что-то болит. Все твои телесные повреждения он восстанавливает – в пределах возможности, конечно. Убить тебя можно, но трудно. А что касается женщин – ты вырос без материнской ласки, и в каждой женщине ты видишь свою мать! Только не набрасывайся на меня с кулаками, ладно? Я не предполагаю, что ты какой-то там извращенец, нет. Говорят, что каждый мужчина выбирает себе женщину, сравнивая ее со своей матерью. Он ищет похожую.

– Чушь какая! – фыркнул Нед. – Я же найденыш! Я никогда не видел своей матери! Как я могу подбирать себе женщину по матери и как я могу видеть в этих женщинах мать?! Ты чего несешь? Ты там не мазисом обкурился?

– К сведению – я никогда не употреблял и не употребляю мазиса! – оскорбленно поджал губы принц. – Он плохо воздействует на ум, потому он не для меня. Что касается женщины-матери – я бы мог тебе прочитать целый трактат по этому поводу, но не буду. Времени жаль. Поверь, все так, как я сказал. Ты в каждой женщине подсознательно видишь свою покойную мать, стосковавшись за годы своей жизни по домашнему уюту, по материнской ласке. И... прощаешь «матерям» все то, что они с тобой творят. Даже Великого Атрока и ее беспутную дочь ты воспринимал не только как врагов. Вот и Гира – она смогла сотворить с тобой эту пакость только потому, что ты...

– Тьфу на тебя! – рявкнул Нед. – Пошли вон отсюда, оба! Не хочу с вами разговаривать! Спать буду! Валите отсюда! И не беспокойте, пока сам не выйду. Гиру тащите на корабль, и сразу отплываем, без команды. Всё, всё, пошли вон отсюда! Надо же такое скотство придумать – я со своей матерью сплю! Да вам башки открутить надо! Гады!

– Да никто не говорит, что ты с матерью... Ой! Ну чего пихаешься?! У тебя кулак-то как железный! Зверюга! Уходим, уходим! Пошли, Харалд, научная мысль всегда подвергается гонению у тупых солдафонов! Ой! Слушай, с тем ли мы дружим? Это надо же – какой злобный тип!

Нед швырнул в дверь снятым с ноги сапогом, но принц Бордонар уже успел скрыться, оставшись без справедливого возмездия.

Сбросив второй сапог, Нед улегся на постель, закинув руки за голову, закрыл глаза и задумался: неужели принц прав? Семнадцать лет Нед жил без ласки, без материнского тепла, на положении изгоя. Неужели и правда теперь он пытается восполнить то, что недополучил за годы гонений, сиротской жизни? И утверждение, что он попался, что влюбился в Гиру, – справедливо. И не нужно врать самому себе! Он в нее влюблен, и это притом, что так же влюблен и в Санду, и в Амелу – которой, кстати, обязан до конца жизни. Его жизни. За то, что она спасла эту самую жизнь.

С мыслями о своей несчастной судьбе Нед незаметно уснул. И снова ему привиделась Санда, которая грустно смотрела на него откуда-то издали, и на ее плечах почему-то лежала земля – она сыпалась с девушки, камешки щелкали о каменный пол, шелестел песок, и Нед с удивлением смотрел, как сыплющаяся земля образует вокруг Санды холмик, засыпавший ее уже выше колен. Нед рванул вперед, хотел схватить жену за руку, но девушка вдруг удалась и

превратилась в темную точку на горизонте.

Нед посмотрел по сторонам и вдруг заметил, что стоит на огромной ладони, а сверху на него смотрят глаза – гигантские, немигающие. Их было много, много глаз – синие, черные, зеленые, бесцветные. Они смотрели на Неда, разглядывая, как букашку, и он понял – это боги! Боги смотрят на него, и они... они... смеются! Им смешно!

Нед прикрыл глаза, открыл – вокруг стояло множество женщин в белых одеждах. Они были прекрасны, и все похожи на Гиру. Вернее, все эти женщины были Гирой, он знал это и знал, что это еще и Амела, и Санда... Они надвигались на Неда, протягивали к нему ухоженные руки с длинными пальцами, заканчивающимися когтями, как у лесного зверя. Не доходя до Неда пары шагов, все эти «Гиры» вдруг сказали низким, приятным голосом:

– Прости! Прости меня! – и впились в него когтями.

Нед рванулся, отбросил руки женщин и... проснулся.

Рядом на стуле сидела Гира, она смотрела на Неда, страдальчески кривилась и потирала ушибленную руку. Нед тоже почувствовал боль в руке – видимо, девушка дотронулась до него и... получила.

– Кто позволил тебе войти в мою каюту? – резко спросил Нед.

– Я сказала, что ты меня ждешь. Приказал прийти, – грустно сказала Гира. – Прости. Я хотела извиниться. И сказать, что все сделаю, чтобы...

– Я это уже слышал! Все одно и то же! – перебил Нед. – Хватит об этом. Давно на корабле?

– Только что приехала, – оживилась магиня, – якоря подняли, теперь плывем в Черный город. Я чуть не умерла ведь... зря ты меня оставил. Ведь говорила – нельзя меня оставлять! Теперь ты убедился. Прости, но теперь тебе придется везде таскать меня с собой, пока мы не найдем средство разорвать нашу связь. Я предлагаю поговорить, обсудить наши отношения. Ведь мы так и не удосужились это сделать. Если не считать того разговора, когда ты меня

разоблачил, помнишь? И с тех пор мы с тобой так и не пообщались. А ведь прошло уже две недели! Или больше? Нед, пойми, мы теперь единое целое, я никогда не смогу причинить тебе зло – ведь тогда я причиню его себе! Я твоя до последней капли крови! Скажи, что ты намерен делать в ближайшее время? Куда направиться? К чему мне готовиться?

– К путешествию, – холодно сказал Нед, садясь на кровати, – я собираюсь лететь к драконам.

– Куда?! – поразилась магиня.

– В Ардию. На поиски драконов. В ледяную пустыню. Так что собирай теплые вещи. И вот что, Гира... ты в курсе, что я чувствую все, что ты делаешь. Как бы тебе это сказать...

– Как есть, так и скажи, – усмехнулась она, щуря умные глаза. – Ты хочешь, чтобы я ни с кем не спала, так? Могу обещать, что не буду спать ни с одним из мужчин – это тебя устроит? Кроме тебя, само собой. Позовешь – я приду и буду с тобой спать. С другими не буду. С тебя я такое обещание не беру. Кстати, забавно ощущать то, что чувствуют мужчины... с кем ты прошлой ночью был? С Хелдой? Очень, очень интересные ощущения.

– Я буду спать, с кем захочу... и тебя не спрошу, – слегка покраснел Нед. – Ты это все устроила, так что теперь терпи. Что касается наших с тобой отношений – раз судьба заставила нас терпеть друг друга, то... в общем, отстань. Будешь работать рядом со мной на общих основаниях. И вот еще что – занятия боевыми искусствами для тебя обязательны. Ты должна уметь держать в руках клинок.

– А я занимаюсь, Хелда говорит – делаю успехи. Она говорит, что у меня врожденное чувство равновесия, я хорошо ощущаю клинок и обладаю быстрой реакцией. Кстати, мне кажется, это передалось от тебя! Я стала быстрее двигаться, мышцы стали сильнее – это точно. Видимо, это результат нашей связи. Когда я тренируюсь, твой организм заставляет мое тело работать так, как если бы я была тобой. Забавное ощущение. Ты еще поспишь или, может, пойдём пообедаем? Капитан сказал, сейчас будет обед.

Гира встала, подойдя к двери, открыла ее, потом полуобернулась к Неду, стоя на фоне голубого неба в полупрозрачном, просвечивающем платье,

обрисовывающем ее стройную фигуру, – явно нарочно так встала! Помолчала и, глядя на Неда зелеными колдовскими глазами, сказала:

– Я вечером приду к тебе. Не бери никого из охранниц, я лучше их. И докажу это. Я ведь красивая, правда? Ты ведь хочешь меня, я знаю. И любишь меня. Ты же помнишь, я часть тебя, и тебе от меня ничего не скрыть – плохо это или хорошо. Не надо противиться судьбе и своему разуму.

Гира улыбнулась, облизнула полные губы и неожиданно подмигнула Неде, хмутившему брови:

– Все будет хорошо, конор, я знаю! Ведь я провидица, и очень, очень хорошая. Во всем я хороша!

Она довольно хихикнула и выскочила из каюты, оставив Неда сидеть на постели и чувствовать себя законченным идиотом. Впрочем, он не первый и не последний мужчина, которого коварная женщина обвела вокруг пальца.

Вздыхнув и потеряв лоб, Нед начал натягивать сапоги – пора было отправляться к обеденному столу... и к своему великому будущему, предсказанному пронырливой, подлой, но... желанной провидицей.

* * *

– Эгей, привет, конор! – Герлат радостно обнял Неда крепкими руками, прижав его к себе. – Наконец-то! Слышал я про твои приключения в Шусарде, гадал – останется город на месте или ты его снесешь! Особенно если с тобой мои ребята! Идите сюда, пакостники!

Маг прижал к себе Игара и Магара, племянников, близнецов и по совместительству белого и черного магов. Похлопал их по крепким спинам, отстранил – и удивленно покачал головой:

– Возмужали, а? Ты что там с ними делал, что они так выросли?! Бил палкой? Или плеткой? Неужто поумнели?

– Нормально, – улыбнулся Нед, – хорошие ребята, молодцы. Они мне помогли. Герлат, это Гира. Гира Ютиран. Магиня.

– Здравствуйте, прекрасная дама! Я вижу, что магиня, – с непонятной интонацией протянул маг. – Странная аура у вас, госпожа Гира. Вы демонолог?

– Хм... нет, – Гира споткнулась о канат, брошенный на пристани, и восстановила равновесие, ухватившись за локоть Неда, – я белый маг, лекарица.

– Белый маг?! – недоуменно протянул Герлат. – Как так может быть? Нед, похоже, тебе придется кое-что мне рассказать, да? Вижу, да. Харалд, привет! Ох и здоров же ты, жеребец! Силен! И с каждым днем все здоровее делаешься! А где черный тип с копьем? Где Васаба?

– Васаба нас покинул, – усмехнулся Харалд, обнимая Герлата. – Нет, нет, живой! Нашел себе богатенькую аристократку и с головой ушел в разврат. Ничего, скоро надоест быть быком-производителем, назад придет. Рассказывай, как вы тут?

– Сам смотри – кипит все! Строится! Бурлит, как в котле! – гордо улыбнулся Герлат. – О! Вот и Устра с Геором! Эй, Устра, глянь, кто приплыл! Она тебя часто вспоминала! Только – тсс! Хочет от тебя ребенка! Только я ничего не говорил!

Нед вдруг почувствовал волну недовольствия, исходящую от Гиры, и удивленно бросил на нее взгляд – та ревновала! Заметив, что Нед это почувствовал, она незаметно пожала плечами, мол, ну вот так, я что, из железа? Ну и ревную!

– Привет, конор! – Устра обняла Неда и прижалась к нему твердым мускулистым телом воительницы. Она была одета в простые полотняные штаны и белую свободную рубаху, безоружная – не было даже перевязи с мечом, что для ардок совершенно невозможно. Увидеть ардку без меча – все равно как главу города Шусард на балу без штанов!

«Странно! – подумалось Неду. – Нужно будет выяснить, что тут происходит».

– Привет, Нед! – Глава рода Геор пожал его руку воинским приветствием и довольно поправил длинные усы. – Заждались тебя! Ты удивишься, как изменилась деревня!

– Не деревня, – с улыбкой поправил Нед. – Черный город, вот как он теперь называется. Что с крепостью? Построили?

– А ты что, не видел? Ее с моря хорошо видно! – ухмыльнулся Геор. – Стены не заметил? Шел, наверх глядел – боялся, что каменюка со стены свалится? Сейчас я все вам покажу! Стройка идет полным ходом! Эту крепость и стенобитные машины не возьмут! И с моря не взять! Здесь хороший рельеф, резкий уклон к морю, с башен можно обстреливать всю бухту! А пристань видел? Мы ее расширили, строим склады, удлиняем причал!

– Вижу, – кивнул Нед, разглядывая людей, что, как насекомые, облепили берег. – Вообще-то потрясающе, за такое короткое время вы столько сделали! Молодцы! Честно, не ожидал, что так быстро постройте.

– А сделать нужно будет еще много, – довольно кивнул Геор, – и, если бы не твои обозы, корабли, если бы не деньги... Все строят, не отлынивают от работы. Понимают: стены – это наша жизнь. Не построим – нас сомнут. Боятся люди и очень надеются на тебя. Ну а так-то – все хорошо. Все здоровы, работают, питаются хорошо. С местными неплохо живем, все довольны. Не без проблем, конечно, – и драки есть, и поединков полно, но бессмысленных смертей нет. И это уже хорошо. Ты где будешь жить – в своем старом доме или в новом? Мы тебе дом построили – каменный! Конор должен жить в самом лучшем доме – чтобы и охране место было, и место под казну, под запасы, под арсенал. Посмотришь?

– Посмотрим. Все посмотрим. Ну что, ребята, пойдете? – И Нед зашагал от пристани вверх, где на небольшом возвышении виднелись ряды городских домов.

* * *

– Где мы?! Что это за штука?! – голос Гиры едва не дрожал от любопытства, она долго сдерживалась, не спрашивая, но, когда Нед взял Амелу на руки, прижав к себе, как ребенка, и пошел к колонне перемещения, все-таки не выдержала.

– Ты, вероятно, слышала, что мы прибыли в Замар через колонны перемещения, так вот – это одна из них, – пояснил Нед. – Сейчас мы переместимся в

заколдованный замок, оставим там Амелу и вернемся назад, в город.

– А что за замок? Ну пожалуйста, расскажи! Ты же чувствуешь – я сгораю от любопытства!

– Чувствую. Но ничего не скажу, – усмехнулся Нед, – сама увидишь. Держись ближе ко мне, не вздумай отойти. Если останешься здесь – мы оба можем погибнуть. Прижмись ближе. Вот так.

– Как родного обняла, – усмехнулся Харалд. – Ну что, готовы?

– Меньше болтай ерунды! – нахмурился Нед, искоса глядя на ухмыляющегося Харалда. – Давай. Готов!

Нед выдернул ключ-кинжал из щели в колонне, Харалд встал рядом и коснулся одной из граней сооружения.

Завертело, закружило, замелькали звезды, и накатила тошнота, прекратившаяся через несколько секунд. Эти секунды были долгими, такими долгими, как жизнь. Может, это были секунды, а может, столетия – в Межмирье нет времени, нет пространства, есть только «сейчас» и нет «вчера» и «завтра». По крайней мере, так говорили древние трактаты Хозяев, построивших эти сооружения.

После долгих раздумий Нед решил переместить Амелу туда, где она будет в безопасности и где о ней позаботятся, – в заколдованный замок. В нем она может лежать тысячи лет и никто ей не повредит. Невидимые слуги будут ухаживать за ее телом, пока не придет тот, кто разбудит девушку, или же пока она не проснется сама. Но доза кальдраны, которую получила Амела, такова, что сон должен длиться долго, очень долго. Сколько? Никто не знал. Знания по этому поводу утеряны в веках.

Нед собирался покинуть Черный город и отправиться на поиски драконов, но боялся оставить Амелу на чье-либо попечение. Он и так уже сто раз отругал себя за то, что не сделал это сразу, – не переместил любимую женщину в заколдованный замок.

Почему он этого не сделал? Ему хотелось, чтобы Амела была рядом, чтобы он в любой момент мог зайти в ее комнату, посидеть возле нее... потрогать за руку. Когда он сидел возле возлюбленной, ему казалось, Амела что-то чувствует, казалось, девушка спит – до него словно доносились отголоски эмоций, будто ей было приятно, что Нед сидит рядом. Вот ради этих минут он и не хотел отправлять девушку под надзор домашних демонов. Ради этих минут, и... чего скрывать – в глубине души таилось недоверие к магическим существам. Кто знает, что те могут сделать Амеле? Вроде бы эти демоны не способны нанести вред человеку, находящемуся в замке, но... но... вот так. Нет веры – и все тут! Демон есть демон!

Они обсуждали все это с Бордонаром и Харалдом, и принц долго с пеной у рта доказывал Неду, что, судя по книгам Хозяев, эти демоны совсем даже не демоны, что это магические сущности, души, которые заключены в артефакт, что они никак и никаким способом не могут повредить человеку. Споры длились долго, наконец Нед сдался.

Вообще-то он понимал, что нет лучшего способа обезопасить Амелу, как только заключить ее в замок. И что он не может гарантировать безопасность девушки, отправляясь в дальние края, оставив ее на попечении чужих людей, пусть даже и лояльных подданных. До Амелы могут добраться шатрии секты Ширдуан, чтобы убить или, скорее всего, похитить ее и устроить ловушку Неду. Потому через день после того, как они вернулись в Черный город, все-таки было принято решение переместить девушку под попечительство домашних демонов.

Нед не взял с собой в замок никого, кроме Харалда и, само собой, Гиры, – куда ж без нее? Порывались отправиться в путешествие и девушки охраны Неда – «тени», но он категорически запретил им сопровождать себя. Зачем? Пусть подождут возле колонны, тем более что он долго в замке не задержится.

Вот так Нед и оказался у знакомой колонны в ясный полдень, с Амелой на руках в объятиях Гиры.

* * *

Зал колонн ничуть не изменился за то время, что Нед тут не был. Мерцающий свет колонн, запах как после грозы, чистота и сухой воздух без признаков сырости.

Нед поудобнее перехватил Амелу, которую боялся уронить во время перехода, и негромко приказал, с усмешкой глядя на ошеломленную Гиру:

– Слуги, отнести Амелу в комнату. Впрочем, всех отнести в эту комнату!

Магиня взвизгнула от неожиданности, когда невидимые руки подхватили ее и спутников, подняли в воздух и понесли в коридор. Нед и Харалд плыли рядом – Нед спокойно, сумрачно, Харалд же торжествующе улыбался, будто эти магические фокусы – его заслуга.

Через полчаса Амела лежала на кровати, накрытая белой простыней. Ее глаза были закрыты – как и всегда. Лицо – цвета простыни.

«Статуя. Прекрасная статуя... Что тебе снится в твоём зачарованном сне? Ты не испытываешь боли, сомнений, страданий... даже завидно. Спи себе и спи. А мне – как жить, думать надо! И за тебя думать тоже. И за эту красотку, при взгляде на которую кровь приливает... ко всем частям тела. Ты думаешь, мне легко сдерживаться? Думаешь, я разлюбил тебя? Ошибаешься. Только вот что мне делать со всеми вами? Сбежать бы куда-нибудь подальше и начать все сначала! Только куда сбежишь, когда вы висите у меня на ногах, как камень, и я не могу вас стряхнуть. Да и не хочу стряхивать – я не смогу без вас. Увяз по самое...

Все, милая, прощай. А лучше – до свидания!»

– Я простился. – Нед посмотрел на Харалда, задумчиво наблюдающего за Недом, на Гиру, поглядывающую то на Неда, то на Амелу, то на убранство комнаты, уставленной странной, непривычной мебелью, явившейся из древних веков.

Все здесь было так, как когда-то любили обустраивать хозяева замка, ушедшие в иной мир. Какой? Никто не знал. Бордонар пытался найти упоминание о том, что это за мир, в который ушли Хозяева, но так и не смог. А если уж Бордонар не смог, то Нед и подавно не найдет. У него и времени-то на поиски не было – в замке все свободное время Нед посвящал «общению» с Амелой. Впрочем, он ничуть об этом не жалел. Воспоминания о днях, когда они с Амелой любили друг друга и наслаждались этой любовью, были самыми светлыми воспоминаниями в жизни Неда. Если, конечно, забыть о том времени, когда он женился на Санде...

Еще раз бросив взгляд на подругу, Нед повернулся и пошел к двери. Дело сделано. Теперь – назад. Теперь – на поиски амулета Великого Атрока.

Снова перелет, снова мелькание звезд и жар, обжигающий тело.

В этот раз Нед приземлился неудачно – склон горы принял его не очень ласково, и, приземлившись, он едва не сломал ногу, подвернув ее на камне, впившемся в землю возле колонны. Гира тоже вскрикнула – от боли, и Нед с неожиданным для себя мстительным удовлетворением подумал о том, что, когда ты приковываешься к партнеру запретным заклинанием, получаешь не только приятные ощущения, чувствуя, как тот занимается любовью, но и ощущаешь боль всех его ран. И поделом. Красивые цветы частенько имеют шипы, больно ранящие тех, кто хочет насладиться запахом прекрасных растений...

В замке они пробыли около часа, за это время Нед пристроил Амелу, а еще – заказал демонам запасной ключ к колоннам. Вернее, два запасных ключа. Это следовало сделать еще в первый раз, но... тогда ему было не до того. Теперь Нед исправил свою ошибку.

Демоны доставили ему ключи – они ничем не отличались от того, что когда-то он забрал у высохшей мумии одного из хозяев замка, а вернее – хозяйки.

Небольшой плоский кинжальчик из серебристого металла, вернее, предмет, похожий на кинжал. Когда этот артефакт висел на шее, он мало чем отличался от кинжалов, которые носили на своих шеях ардки. Такие кинжалы называли любовными, они показывали статус владелицы. Не носили кинжалов только рабыни. Впрочем, рабам вообще не было позволено иметь оружия. Так что, если в Арде ты встретил человека и у него на поясе нет хотя бы ножа, это раб.

Один кинжал-ключ Нед повесил на шею Гиры – теперь она выглядела как заправская ардка, другой надел Харалд.

– Никому ни слова об этих кинжалах, слышите? Никому! Передвижение через колонны – наш секрет, никому его не раскрывайте.

– Васаба все разболтает, – пожал плечами Харалд, – зря предупреждаешь. Чушь это все.

– Чушь не чушь, но лишнего не говорите – иначе беда, – устало покачал головой Нед. – Впрочем, мы без беды как нищие без вшей. Все, пошли. Хелда, как тут, все спокойно? Чужих не заметили? Лошадок наших там не угнали? Охрану-то оставили?

– Да перестань, – усмехнулся Харалд, – тот, кто поперет коня у конора, долго не проживет! Все боятся тебя как огня!

– Обижаешь, конор, – фыркнула Хелда, – правильно Харалд говорит: тот, кто тронет имущество конора, погибнет!

– На конях-то не написано, что они принадлежат конору, – возразил Нед, отодвигая еловую лапу и с отвращением стирая с лица липкую паутину. – Тьфу, пакость какая! Представляете, а ведь когда-то к колонне вела дорога. Каменная дорога. Колонна стояла внутри здания. Большого здания. Я видел картинку здешнего храма – или как его назвать, этот дворец? Кстати, не храмы это. Более того, я сомневаюсь, что хозяева поклонялись каким-нибудь богам.

– Потому и сгнули! Как без веры? Во что-то же надо верить! Вот боги их и наказали, – тут же откликнулся Харалд. – Да наплевать. Ты лучше скажи – куда мы сейчас?

– За амулетом Великого Атрока. Забыл, для чего мы, вообще-то, сюда собирались? В деревню едем.

– И как ты собираешься его искать?

– Увидишь, – кивнул Нед и, в очередной раз сняв с себя паутину, похлопал прядящую ушами лошадь по гладкому крупу. – Вперед! Нас ждут великие дела!

Они взобрались в седла и поехали по еле заметной тропе, выбитой в лесной хвойной подстилке поколениями каких-то зверьков, перемещающихся по лесу по своим важным делам.

Вдоль тропы все было изрыто – здесь не так уж давно прошли две тысячи ардов, перемещенных сюда Недом. Они спасались от армии, грозившей уничтожить род

Геора и Устры. Следы ног, следы волочения – здесь на волокушах тащили раненых – до того места, где могли подойти подводы с лошадьми.

Ехать до крепости недолго, пару часов, и эти часы путники проехали в полном молчании, думая каждый о своем.

Нед думал сразу о многом – о поисках амулета, о будущем путешествии, о Санде, которая лежала за полторы тысячи километров отсюда, и о крепости, которая возвышалась поперек дороги, закрывая бывшую деревню мощным каменным щитом.

Неду понравилось, как спроектировали крепость. Им пришлось собрать лучших зодчих, и те сделали на самом деле прекрасное и очень прочное сооружение. Арды понимали толк в войне и строили хорошие укрепления, ведь вся их жизнь проходила в непрерывных войнах, и если ты построишь плохую крепость, одним прекрасным утром можешь и не проснуться.

Внутри крепости протекала речка, питающая город водой. По верху стен высотой в четыре человеческих роста можно проехать четверем лошадям в ряд, да еще осталось бы место для стрелков, укрывшихся за зубцами. Настоящие крепостные стены – как у крупного города.

Впрочем, главное – начать, и почему Черному городу не стать крупным? За крепостной стеной, на которой все еще шли строительные работы, стройными рядами стояли дома ардов. Лес выше по склону был вырублен – там тоже стояли дома. Теперь каждая ардская семья имела свой дом. Работали мастерские, торговал базар, у пристани стояли купеческие суда, рядом с ними – суда Черного города, по сути – суда Неда. Жизнь в Черном городе развивалась взрывообразно, и этот город мог стать северной столицей Замара – если не помешают, конечно. Завозили запасы продуктов: огромные склады забивали мукой, крупами, сушеным мясом, солью – всем, что может пригодиться на время длительной осады. Нет, осады не ожидалось, но... кто знает?

Нед не собирался пускать дело на самотек. Он целенаправленно готовил для себя базу, то место, где сможет отсидеться, случись в королевстве какие-то перемены, например – если кому-то не понравится наличие на северном окончании материка большого города, где правят арды. Мало ли что бывает... Отойдет, к примеру, Санда от власти, сложит свои королевские полномочия, и...

Хеверад вдруг решит, что Черный город ему не нужен.

Ну, хорошо – не Хеверад, а кто-нибудь другой решит. Ведь и Хеверад не вечен, и Нед не мог рисковать. Теперь конор все делает по плану, обстоятельно и правильно, как и полагается умному властителю клана. Да, Нед мог бы сбежать, спрятаться в заколдованном замке, но... бросить свой народ? Вечно прятаться в магическом замке? Вряд ли замок сможет принять и обслужить много людей – его ресурсы не безграничны. А сбежать, бросив все, Нед не мог – арды теперь ему не чужие. Так что выбора не было.

* * *

– Точно? Ты помнишь, что тут? Не ошибаешься? – Бордонар с недоверием посмотрел на почти незаметный бугорок позади домов, там, где поле было распаханно под посадку клубней ситата. – Тут ничего не видно! Ни камней, ни фундаментов! И как ты будешь искать?

– Магией, как же еще-то, – задумчиво ответил Нед, оглядываясь по сторонам. – Ты не забыл, что я великий маг, бла-бла-бла и все такое прочее. Стыдно будет не отыскать магический артефакт такому великому магу, не правда ли? Парни, девчонки – а не свалить ли вам шагов за сто, а? Вы мне мешааете!

– Интересно же, Нед, – виновато протянул Игар. – Когда это увидишь работу архимага?! Да еще и демонолога! Да еще и раскапывающего древние сокровища! Честно, я готов отдать несколько лет жизни, чтобы посмотреть поближе, как ты все это делаешь!

– Дурак, что ли? – фыркнул Нед. – Годы жизни не вернешь, а заклинание я потом тебе напишу, если хочешь! Только оно тебе все равно не пригодится – высокого уровня, да и кроме как для активирования Великого Амулета больше его никуда применить нельзя.

– Ну хоть расскажи, как ты искать будешь, ну пожалуйста, Нед! – взмолился парень.

– Правда, расскажи, а? – с улыбкой попросила Гира, вздохнув так, что ее рубаха едва не лопнула, поднятая твердой грудью.

Женщина так и не оставила попыток затащить Неда в свою постель. Или, скорее, попыток запрыгнуть в его постель. Но он держался, не сдаваясь агрессорше.

Честно сказать, такое истовое сопротивление Гире доставляло Неду какое-то извращенное удовольствие. Он мог бы сделать эту красивую женщину своей любовницей, но отказывался, несмотря на все ее уловки! И чем активнее Гира на него нажимала, тем сильнее он сопротивлялся, приводя ее в ярость, – ее ярость Нед прекрасно чувствовал. И забавлялся происходящим.

Иногда Нед думал: может, с памятью Юрагора ему передалась жестокость древнего мага? Что за удовольствие дразнить эту женщину?

Нед мстит за то, что она его обманула? А может, наказывает самого себя за допущенную глупость? Нед давно уже не брал в постель ни одну женщину, ну... достаточно давно. С неделю, не меньше, что при его «аппетите» было не вполне нормально и что сразу же заметили соратники. Харалд подсмеивался и спрашивал, не решил ли Нед посвятить себя служению какому-нибудь из богов и не взял ли на себя обет целомудрия. Но Нед сам не понимал, что с ним сейчас творится, и решил: пусть все идет так, как идет. Время все расставит на свои места. Не до любовных страстей – есть дела поважнее. Впрочем, есть ли?

– Имеется специальное заклинание, на которое реагирует медальон, – усмехнувшись, сказал Нед, глядя на оживленные физиономии своих соратников, жадно ловящих каждое слово своего друга и предводителя. – Я произнесу его, и медальон откликнется. Как? Увидите. Это будет интересное зрелище. Он спрятан в тайнике, потому я вам и говорил, что уверен – медальон уцелел. Есть ли в нем магический заряд – не сомневаюсь, что есть. Он зачарован на постоянную подпитку магией. Заклинание двенадцатого уровня, а может, и выше. На крови, между прочим. Я вам не стал говорить – но потому я и не хотел делать амулет заново, что для его активации нужна жизнь человека, и не одна.

– А сколько жизней?! – жадно переспросил Бордонар, записывая что-то на листке бумаги свинцовым карандашом, пачкающим руки.

– Самое меньшее – пять жизней, – нахмурился Нед, – а я не хочу заниматься кровавыми жертвоприношениями. Все? Удовлетворили любопытство? Тогда отвалите на сто шагов от меня и заткнитесь. И еще – не подпускайте сюда никого! Вообще никого! Уже любопытные собираются. Смотрите, сколько народа

набежало! – Нед кивнул в сторону жителей города, собравшихся на городской стене, указал на строителей, побросавших работу и столпившихся у недостроенных ворот, и снова усмехнулся: – Интересно, чего они ждут?

– Да всем интересно, зачем их конор залез в огород и топчет грядки ситата! – рассмеялась Хелда и скомандовала: – Все отойдите на сто шагов! Зрителей не подпускать! Колдуй, конор, мы не мешаем!

Нед дождался, когда все отойдут, вдохнул пахнувший солью ветер, прилетевший с моря, оглянулся на солнце, склонившееся к горизонту, затем вынул небольшой нож, острый, как лезвие бритвы, и начал читать заклинание – нараспев, негромко, плавно, меняя интонацию и высоту голоса.

Заклинание было длинным, довольно сложным, и радовало только то, что к нему не прилагались пассы – не нужно было запоминать, как повернуть ладонь, на какую высоту ее поднять, как растопырить пальцы и в какой момент взмахнуть рукой. Всего этого не было, но было кое-что и похуже.

Через минуту после того, как начал читать заклятие, Нед поднял левую руку, правой задрал рукав рубахи и острым ножом, который так и держал в правой руке, полоснул вдоль нее, распарывая вену.

Фонтаном брызнула кровь, оросив грядку, с которой уже выкопали клубни, впиталась в землю, и над тем местом, куда она упала, тут же поднялся дымок, как если бы на землю упали капли расплавленного металла.

Нед даже не поморщился – ни одного лишнего движения или звука. Только тяжелые, падающие, как камни, слова древнего заклинания. Ни малейшей тени сомнения – если он ошибется, то умрет. Это заклинание слишком опасно, чтобы его прервать или изменить слова. В воздухе, как всегда бывает при активировании заклинания высшего порядка, пронеслась череда запахов – тошнотворные и приятные, сладкие и резкие, запахи странные и привычные.

Как следовало из трактатов, на самом деле никаких запахов и не было, это человеческое сознание реагировало на то, что заклинание привело в действие силы магии, пропитавшей вселенную, как вода пропитывает лесную почву.

Как работало заклинание, почему происходили некоторые побочные эффекты – непонятно, непостижимо. По крайней мере – для человека. Главное, заклинание работало.

До конца отчитки заклинания оставалось около минуты, когда Нед вдруг заметил, как возле стены, там, где сложены глыбы камня, из которых и была сооружена стена, поднялся человек с луком в руках. Нед ничего не успел сделать, кроме как шагнуть в сторону, чтобы пущенная стрела не врезалась ему в грудь, не сбила дыхание и не заставила издать лишний звук, который мог бы стать последним в жизни конора. Заклинание двенадцатого уровня, вырвавшееся из-под контроля, могло испепелить не только Неда, но и тех, кто находился рядом, – такие случаи бывали в истории магии. Сама по себе стрела была ему не страшна – если только не попадет в голову, – древняя кольчуга из металла тамил непробиваема ни для одного из видов оружия, но эта кольчуга не уберегает тело от синяков и ушибов, а стрела, летящая с огромной скоростью, может переломить ребро при попадании в бок.

Стрела скользнула по боку Неда, пройдя навывлет через его одежду, впиалась в землю позади него. Фиксируя взглядом противника, Нед продолжал читать заклинание, не ускоряясь и не меняя интонации. Краем глаза он видел, как девушки охраны, огибая его по дуге, рванулись вперед, туда, где среди глыб возле недостроенной стены показались фигуры неизвестных бойцов с мечами и луками в руках. Следом за охранницами рванулись Харалд и все остальные, выхватывая свои клинки.

Нед не мог их остановить, не мог прервать заклинание. Он отстранился от происходящего и заставил себя не слышать звона клинков, боевых возгласов и стонов раненых. Только заклинание, только то, что он задумал.

К концу заклинания чуть поодаль от того места, где, по воспоминаниям Неда, должен был находиться вход в тайник, воздух начал светиться, потрескивая, будто кто-то зажег огромный фонарь. Свет шел из-под земли, столбом, имел голубоватый оттенок и освещал все вокруг на двадцать шагов. Стало жарко, как в самый жаркий полдень, затем там, где пролилась кровь Неда, земля начала вращаться, образуя черную воронку – вначале маленькую, всего с ладонь, потом увеличившуюся до размеров двух пядей, затем четырех, восьми... Через несколько секунд шелестящая осыпающейся землей впадина могла вместить человека.

Выкрикнув последние слова заклинания, Нед представил себе искомый объект и с трудом, будто поднимал огромную тяжесть, потянул его на себя невидимыми нитями, «прикрепленными» к рукам.

Некоторое время ничего не происходило, потом в воронке показался сверкающий шар размером с кулак человека. Этот шар светился, на него было трудно смотреть, но Нед не отвел глаза – он подошел на расстояние шага от артефакта, выкрикнул несколько слов, и амулет, пригасив сияние, послушно лег в ладонь, свесившись золотой цепочкой.

Желтый квадратик, все еще испускающий голубые лучи, обычная цепочка – трудно поверить, что этот амулет, артефакт прошлых веков, обладает огромной магической силой и впитал в себя кровь и жизнь людей, но это так и было.

Артефакт светился голубым, отказываясь утихомириться и признать хозяина, кровь которого прошла сквозь землю и оросила его поверхность магическим дождем.

Нед надел амулет на шею, и только тогда тот успокоился, хотя и не до конца. Так и продолжал мерцать, будто маленький лесной жучок.

Когда артефакт упокоился на груди, Нед позволил себе оценить обстановку вокруг, и первое, что заметил, – Стрелу, состоящую из Герлата, Магара, Игара, Гиры и Харалда.

Магар, как обычно, стоял на острие стрелы, остальные маги отдавали ему магическую силу, касаясь друг друга плечами. Магар колдовал заклинание, и Нед узнал «Ледяной шторм», при котором на противника обрушиваются острые, как иглы, сосульки, от которых не спасают ни щиты, ни кольчуги, – убойная сила этих сосуллек сравнима с ударами болтов армейских арбалетов.

Магов прикрывали щитами несколько ардов и ардок, принимающих удары стрел в круглые щиты, – в щитах уже торчало по несколько стрел, так что защита была совсем не лишней.

Неда прикрывала охрана – девушки выстроились в ряд и создали непробиваемую защитную стену, через которую до Неда не могла добраться ни одна стрела. Две «тени» были ранены случайными стрелами и лежали на земле – одна без

признаков жизни, со стрелой в груди, вторая перетягивала ремнем бедро, из которого обильно текла кровь, орошая грядки с остатками стеблей ситата.

Бой не остался незамеченным, и от домов уже бежали арды, потрясая мечами и топорами, – многие держали щиты, но были и бежавшие без какой-либо защиты, лишь с оружием в руках.

Нед мгновенно оценил происходящее, бросил несколько слов заклинания, усиливающего голос, и взревел, как небесный гром после удара молнии:

– Всем стоять! Прекратить стрельбу! Прекратить кастовать заклинание!
Переговоры! Великий Атрок Северного испаса требует переговоров!
Остановиться!

Со стороны нападавших стрельба прекратилась. Магар перестал кастовать и недоуменно уставился на Неда, будто не понимая, чего тот хочет.

Нед поднял руки, развел их в стороны – в знак того, что он идет без оружия, с мирными намерениями, и пошел вперед, к недостроенной стене, из-за которой летели стрелы.

Глава 4

Шаг, еще шаг. Каждая секунда – ожидание выстрела. Все на пределе – мышцы звенят от притока крови, готовые бросить тело в сторону. Мозг хрустально чист и ясен, глаза не видят ничего вокруг, кроме темных фигур среди груд камней и неясных теней за недостроенной стеной.

Нед прошел мимо девушек охраны, лежащих на земле, прошел мимо вражеских трупов и, сделав еще несколько шагов, встал перед врагами. Часть их пряталась за каменными глыбами, часть стояла перед камнями с обнаженными мечами в руках. Их лица замотаны тканью – видимо, чтобы не нашли тех, кто нападал, когда дело будет сделано и они уйдут в лес, затем в город. Или же когда растворятся среди нескольких тысяч работников, нанятых в Шусарде.

– Я хочу говорить с атроком! – сказал Нед, снова усиливая голос, летящий над затихшей стройкой, эхом отражающийся от крепостной стены, построенной в невероятно короткие сроки – тысячи людей, которых должным образом стимулируют к работе, могут сделать чудеса. Деньги есть деньги. И потрачено их много.

– Я слушаю!

Высокий человек с закрытым лицом глухо ответил Неду бесцветным голосом, пристально глядя ему в глаза. Нед тоже посмотрел в лицо незнакомца, пытаясь уловить какие-то знакомые черты. Мужчина неопределенного возраста – встретишь и не узнаешь! Если, конечно, не обладаешь даром читать человеческие эмоции и не видишь магическую ауру.

В том, что это был атрок, Нед не сомневался. Магическая аура была мощной, ровной, и в ней проскакивали синие сполохи – демонолог. В остальном человек ничем не отличался от тысяч строителей – запыленная одежда, вязаная шапочка, кожаные сапоги, порыжевшие от времени. Человек как человек. И сильный «запах» раскаленного железа – так Нед почему-то воспринимал атроков, обладающих сильным магическим потенциалом демонологов.

– Я Великий Атрок Северного испаса! – повторил Нед. – Закон запрещает принимать заказ на членов Братства! Закон запрещает убивать членов организации Ширдуан, кроме как по решению Совета Братства! Ты знаешь этот Закон?

– Закон превыше всего! – повторил старую формулу атрок, делая жест подчинения Закону, осеняя лицо большим пальцем правой руки – тайный жест Братства Ширдуан.

– Почему вы напали на Великого Атрока Северного испаса и на его людей? – спокойно и холодно спросил Нед, глядя на то, как по лбу атрока скатывается капелька пота и впитывается в темную повязку. – Почему вы нарушаете Закон?

– Мы не знали, – глухо ответил атрок. – Но... как докажете, что вы – Великий Атрок? Я вижу ваш амулет, позвольте мне его коснуться?

– Позволяю, – кивнул Нед, – можете активировать заклинание. Вы знаете какое, раз вы атрок.

– Да. Я знаю, – кивнул мужчина, вышел вперед и, шепнув несколько слов, коснулся прямоугольника на груди Неда. Амулет откликнулся вспышкой голубого света и переливчатым звуком, напоминающим звук далекой армейской трубы.

– Подтверждаю! Это амулет Великого Атрока, он на самом деле Великий Атрок! – воскликнул мужчина и коротко кивнул: – Прости, Великий Атрок. Я получил заказ и должен был исполнить его любой ценой. Это приказ Великого Атрока Южного испаса. Мы не знали, кто ты такой. Закон превыше всего! Ты позволишь нам уйти? Мы выполняли задание нашего Великого, потому вся ответственность за преступление лежит на нем. Это Закон! Закон превыше всего!

– Закон превыше всего! – откликнулись шатрии, прячущиеся среди камней.

– Вы уйдете. Вас не тронут. Но я хочу спросить, есть ли здесь другие члены Братства, кроме тебя, которым дано задание меня убить?

– Это последняя группа, господин. Ты уничтожил всех, кроме нас. Больше никого нет.

– Почему вы напали именно сегодня? Не вчера? Не решили напасть завтра? Есть какая-то причина?

– Хм... нет. Показалось, что сегодня удобнее. Ты вышел из-под защиты на открытое место, так что пришлось воспользоваться моментом.

– Где были шатрии? Среди рабочих?

– Да. Господин, я не могу рассказывать тебе о наших планах без позволения нашего Великого Атрока. Еще раз поясню: мы не знали, кто ты такой. И вообще не знали, что Северный испас сохранился. Мы должны донести информацию до нашей госпожи. Мы уходим.

– Как твое имя?

– Атрок! – серьезно, испустив волну иронии, прочувствованную Недом, сказал мужчина и, подав знак, перемахнул через недостроенную часть стены, затем исчез за кустами. Нед проводил его взглядом и подумал о том, что нужно вырубить лес и кустарник шагов за пятьсот до крепостной стены. Оставлять растительность было ошибкой.

Через несколько минут там, где скрывались несколько десятков человек нападавших, не осталось ни одной живой души. Осталось несколько трупов. Тех, кто не мог идти сам, добились. Свои добились. Что не противоречило Закону Братства Ширдуан – если раненых нельзя забрать с собой, их нужно уничтожить, чтобы они не попали в руки противника и не разгласили тайную информацию. Или же сами раненые должны покончить с собой.

Куда ушли члены организации Ширдуан? Нед был уверен, что они снова растворились среди тысяч рабочих, и, возможно, ночью стройка недосчитается нескольких десятков разнорабочих и каменщиков, ушедших в никуда. Впрочем, возможно, все останется по-прежнему – шатрии так и будут изображать из себя обычных строителей, ведь им еще нужно сделать запрос Великому Атроку, а как она отреагирует на сообщение о возрождении Северного испаса, только богам известно. Возможно, она все-таки подтвердит приказ на уничтожение цели. Неизвестно, как изменился Закон Ширдуан за сотни лет и насколько нынешние члены Братства Ширдуан его придерживаются. Вернее, насколько его придерживается Великий Атрок Южного испаса. Она женщина решительная и способная на ломку сложившихся законов...

* * *

– Обсудим? Нед, ты как насчет того, чтобы обсудить сегодняшний день и нападение?

– Не против, – усмехнулся Нед, – давай обсудим. И, кстати, нужно решить еще один вопрос...

– Хорошо, что один, – пожал плечами Харалд, – а мне кажется, их много, вопросов-то. Тебе не кажется? Или ты решил с нами не советоваться?

– Харалд! – предупреждающе буркнул Бордонар. – Мы уже это обсуждали! Он – главный. Потребуется совет – тогда и будем советовать. А требовать от него ответов на вопросы – это просто глупо. Это неправильно.

– Ты тоже так считаешь, Нед? – нахмурился Харалд.

– Хара, что ты хотел спросить? – спокойно проговорил Нед. – Я отвечу, если смогу. В общем-то я и сам хотел поговорить, ведь завтра мы уходим. Я уйду. Ну и Гира, само собой. Давайте обсудим все, что нам предстоит.

– Что хотел спросить? – Харалд снова уселся за стол, на котором стояли кувшины с соком и водой, тарелки с едой. – Ну... первый вопрос... Ты оставил Амелу на попечение демонов замка. Не боишься? И как они будут за ней ухаживать, если демоны не могут воздействовать на другого человека?

– Я могу пояснить! – вмешался Бордонар. – Не совсем так, чтобы не могли. Напрямую – не могут. Например, держать, не пускать, тащить куда-то – если только те сами не пожелают. А вот накрыть простышкой – запросто. Притом у Амелы все жизненные процессы заторможены. Как за ней ухаживать? Пыль только стирать. Да простыню менять, когда ткань истлеет. А так – лежит себе «статуя» и лежит. Что ей сделается? Лишь бы крысы не сожрали. А крыс там нет – вот что значит забота демонов. Чужих в замок они не пустят – снаружи вход закрыт, открыт только изнутри, через колонны. Шанс, что через колонны кто-то придет, минимален, практически ноль. Если за тысячи лет никто не пришел, вряд ли сейчас это случится.

– Ясно, – кивнул Харалд. – Так куда мы завтра уходим, Нед?

– Я уйду. Уходите ли вы – большой вопрос, – хмыкнул Нед. – Я не могу требовать от тебя, Харалд, меня сопровождать. И от тебя, Бордонар, тоже. Вот кто обязательно со мной пойдет – это Гира, по понятным причинам. И вообще, Хара, я хочу тебя попросить остаться здесь. Мне нужно, чтобы кто-то близкий оставался здесь, в крепости, – мало ли как все повернется? Видишь, как сегодня вышло, – думали, что всех атроков, посланных из столицы, искоренили, а что оказалось? Вот так.

– Ценит тебя Великий Атрок! – усмехнулся Харалд. – Столько атроков извести не жалко. А сколько шатриев погибло! У нее, интересно, еще кто-то остался?

– Остались, уверен. Ну сколько человек погибло? Сотня шатриев? Из них большинство вообще не знали, что они шатрии! Обычные разбойники, и все. Считали, что были членами какой-то преступной шайки. Я не знаю, сколько у секты Ширдуан Южного испаса людей, но, возможно, их количество может измеряться тысячами. Запросто. В Северном испасе на момент его гибели было полторы тысячи человек. И это постоянных членов Братства, а сколько людей даже не знали, что работают на Ширдуан? Чтобы перебить шатриев и атроков, понадобилась вся армия Замара. И я уверен, что не смогла уничтожить всех. Они просто растворились в Шусарде и стали жить как обычные жители, не выдавая себя. Не удивлюсь, когда выяснится, что, если пошарить в родословной некоторых дворян Шусарда, можно найти потомков членов Северного испаса. Но вопрос не в том. Я не доверяю власти королевства. И как ты думаешь, почему я истратил столько средств, чтобы быстрее поставить крепостную стену в кратчайшие сроки? То-то же... Итак, завтра нам нужно уходить. Мы обсудили этот вопрос с Бордонаром, с Устрой и Геором, место перемещения выбрано. Кто уходит со мной? Магар, Игар – вы остаетесь с отцом. Герлат – само собой, тут, в крепости. Иса с Арнотом – в Шусарде. Хара, мне бы хотелось, чтобы ты остался здесь.

– Нет. Я с тобой, – мотнул головой Харалд. – Мы вместе шли, вместе и дальше пойдем. Я отказываюсь оставаться. Достаточно Герлата, чтобы командовать в крепости.

– А мы тоже отказываемся! – Магар вызывающе посмотрел на Неда и подмигнул брату. – Вы без нас не уйдете! Мы будем тащиться сзади, а когда вы начнете перемещаться, прыгнем к вам! И вы нас не остановите! Мы тоже хотим путешествовать! Правда, Игар? Что за свинство оставлять нас в самый интересный момент? Нед, ты не можешь так с нами поступить!

– Дураки! Там страшный холод, опасность, ну зачем вам это надо? Здесь сытно, тепло, много девушек – зачем вам в ледяную пустыню?!

– Мы хотим увидеть драконов! Хотим, чтобы про нас пели музыканты, складывали баллады о том, как мы с тобой шли на север, к драконам! Как добыли яд для противоядия! А ты заставляешь нас сидеть в этом глухом углу! Нет, мы отказываемся!

– Я могу приказать связать вас и выпустить только тогда, когда мы улетим, – усмехнулся Нед.

Близнецы покосились на командира, потом встали с места и пошли к дверям:

– Не выйдет! Сбежим!

– Конор, задержать их? – Хелда с другой «тенью» перекрыли выход, встав перед парнями как стальные статуи.

– Не надо, – вздохнул Нед. – Если они такие дураки, пусть идут со мной. Сядьте на место. Неслухи! Надеюсь, что вы останетесь живы... Герлат, может, ты на них подействуешь? Убеди их не ходить со мной – это смертельно опасно, ты же знаешь.

– Как я подействую? – вздохнул маг. – Бить их? Приковать к столбу? Ничего не могу сделать, увы. Я уже смирился. Предупреждаю, поганцы: если кто-то из вас погибнет, я возьму его труп и буду сечь, пока не сломается палка! Ну что из вас выйдет – уму непостижимо! С вашей дисциплиной вы в конце концов отправитесь на плаху!

– Нет. Мы хотим стать магами-экспериментаторами, – ухмыльнулся Магар, – разрабатывать новые заклинания. Не хотим служить в армии и вообще служить! Мы хотим быть свободными, как птицы!

– Ага, вы уже умеете гадить на людей, как настоящие птицы, – усмехнулся Бордонар. – Осталось научиться летать.

– Неплохо бы, – вздохнул Игар, – всегда хотел летать!

– К делу давайте. – Нед постучал пальцами рук по столу и продолжил: – Итак, я, Гира, Харалд и близнецы. Еще нам нужны арды. Те, кто хорошо знает обычаи Ардии, а еще – хорошо разбирается в том, как надо путешествовать на севере, в снегах. Без таких сопровождающих мы погибнем.

– Нед, а какова необходимость ехать в Ардию зимой? – нахмурился Бордонар. – Можно дождаться лета и поехать на остров на корабле. Зачем это дурацкое

путешествие? Почему так срочно? Было бы разумно выждать, и все.

– Мы уже это обсуждали, забыл? По льду перейдем пролив между островом и материком, и... Посмотрим, что и как. Летом надо будет нанимать корабль, и... в общем, завтра. Не забывай – мы и так уже задержались с путешествием к драконам. Сколько мы уже сидим в Замаре?

– Я понимаю, Нед, тебе не терпится разбудить своих женщин, – осторожно сказал принц. – Ну да, Санда, Амела – ты соскучился по ним, тебе хочется с ними... хм... пообщаться, но это не повод, чтобы, забыв про все, бросаться вперед! Зимой опасно!

– Мы это обсуждали, – слегка раздраженно парировал Нед. – И Устра, и Геор сказали, что зимой меньше шансов нарваться на шайку бродячих безродных или же на отряд ардов, которые отправились в поход на соседей! Я не хочу убивать больше, чем это необходимо для дела. Что касается холода – оденемся как полагается, и холод не страшен.

– Нед, вот мы нашли дракона, и что дальше? Как ты его убьешь? – Харалд встал и, подойдя к окну, посмотрел на море, покрытое белыми барашками на вершинах волн. – Тебе нужно изъять у него ядовитую железу, вырабатывающую особую жидкость. И как ты это сделаешь? Непробиваемая шкура, огонь из пасти, когти, клыки – ты вообще на что рассчитываешь? Напустить на него демонов? Так вы же с Бордо выяснили – колдовство на драконов не действует! Как ты будешь его убивать? Ругательствами? Мечом? Для него меч как иголка для человека! По моему, прежде, чем ты не уяснишь для себя, как будешь бороться с драконом, ехать к нему – самоубийство. До сих пор ты так и не высказал никакой идеи – что ты намерен делать с чудовищем. Не поделишься ли с нами своим планом?

– Хм... Хара, как мы можем узнать, каким способом его убить, если мы никогда не видели дракона? Вернее, видели, но лишь на картинках! Ты ждешь от меня невозможного... Вначале я увижу чудовище, узнаю, как оно живет, где живет, чем питается, как охотится, а уж потом... Считаю, поездка разведывательная. Узнаем всё что можно, и если не сумеем убить дракона сразу, то вернемся, чтобы подготовить другую поездку. Устраивает такое объяснение?

– Ну... подобного объяснения я и ждал, – улыбнулся Харалд и снова уселся в кресло. – Кого еще возьмешь с собой? И куда переместимся?

– «Теней» возьму с собой – иначе они будут потом смотреть на меня, как побитые собаки, – ухмыльнулся Нед. – Устра с Геором отправляют с нами двух ардов – Зигара и Агора, специалистов по выживанию на севере. Поправка – «тени» отправятся не все – хватит четверых. Хелда, подбери самых выносливых и умелых. Чтобы не боялись холода.

– У нас никто не боится холода и все выносливые! – фыркнула Хелда. – Сегодня же устрою поединки за право отправиться с конором! Я сама поеду, и троих подберем по результатам схваток.

– Эй, ты чего? – Нед недоуменно поднял брови и осуждающе покачал головой. – Какие схватки?

– Не беспокойся, конор, схватки на тупых мечах, без крови... почти. Они же должны бороться за счастье отправиться в легендарное путешествие?! Если я просто назначу тех, кого посчитаю нужным, – это обида. Нет уж, пусть дерутся, завоевывают право. Если позволишь, я сейчас же отправлюсь к «теням» и сообщу твое решение.

– Иди. И не переусердствуйте там! Тупым мечом можно и башку разбить... Лекари, посмотрите потом, что они натворили, вылечите. Девки злостные, могут быть последствия.

– Я посмотрю, – торопливо сказала Гира, – вылечу, если что!

– Ты? – хмыкнул Нед. – А они тебе физиономию не набьют? Я помню, как девчонки отнеслись к известию, что ты меня захомутала! Ты мне нужна здоровенькая, а не с распухшим носом.

– Точно ли я тебе нужна? – грустно усмехнулась Гира. – Нет, не набьют. Мы уже помирились. Девочки всегда хотят что-то изменить в своей внешности – убрать шрам, выправить нос или подправить торчащие уши. Я всегда буду в почете, не сомневайся. Впрочем, как и ты. Девушки тебя просто боготворят. И очень обижаются, что ты перестал их приглашать в постель.

– Я тебя просил распространяться о моих пристрастиях? – резко спросил Нед. – Не нужно распускать язык! Иди к ним. Свободна!

Гира кивнула и быстро вышла из комнаты, низко наклонив голову. Впрочем, Нед успел заметить, как на ее глазах заблестели слезы. Заметили это и его собеседники, потому что Герлат с легким осуждением сказал:

– Жестко ты с ней. Надо ли? Так-то девочка хорошая, дельная. Как магиня она очень сильна, очень! Архимаг, не меньше. Хорошо, что она будет с тобой, – сможет вас лечить. Ну, вышло так, да! Она, конечно, виновата, но не тиранить же ее всю жизнь? Как-нибудь развяжетесь... если захотите. Я верю, что ты сможешь когда-нибудь убрать связь между вами. Ладно, ладно, не хмурься! Ты сказал, что вы решили, куда отправитесь. Так куда? Разве не туда, откуда пришли наши арды?

– Нет. Мы отправимся на материк, с другой стороны острова Хессерн. Колонна стоит в горном районе, и от нее десять ли до города Эссторг-Арду. По крайней мере, по картам Хозяев – десять ли. Может, чуть меньше, может, чуть больше. Насколько понял, этот город что-то вроде постоянно действующего рынка. Туда съезжаются арды, которые хотят что-то продать или купить – от оружия до рыбы и мяса. Больше всего продавцов и покупателей именно зимой – море перемерзает, что позволяет приехать в город без путешествия на кораблях. Там мы купим лошадей, снаряжение и поедем к Хессерну. От города до острова сто ли. Если все нормально, доедем за два дня. Да, я уже предвижу возражения: мол, это не лето, не надо рассчитывать на пятьдесят ли в день. Согласен. Но что поделаешь? Будем стремиться проходить в день расстояние побольше. Продукты возьмем из расчета на десять дней, по дороге, возможно, удастся поохотиться. Вот так.

– Через какое время тебя ждать? На сколько дней ты рассчитываешь? – Герлат задумчиво посмотрел в окно, взял со стола печенье, хотел положить в рот, но с сожалением отложил в сторону: «Худеть надо! Что-то я потолстел в последние годы!»

Нед проводил взглядом его руку и незаметно усмехнулся – что такое случилось, что Герлат вдруг начал заботиться о своей внешности? Раньше ему было наплевать на лишний вес и мешки под глазами после вечерней выпивки. Неужто влюбился?

– Я не могу точно сказать. Несколько дней мы будем жить в Эссторге, закупать снаряжение, ну а потом – пойдём на Хессерн. Что там будет, не знаю. Потому – как могу сказать точные сроки? Ждите. Вернусь. Достраивайте стену,

тренируйте бойцов, никто не должен войти в город без вашего позволения. Герлат, проверь всех работников. У шатриев в подмышке татуировка, я тебе ее показывал. Всех с такой татуировкой выгоняйте. Еще – отбери из числа детей и подростков тех, кто может колдовать. Нам нужна своя агара. Пошли весточку Исе и Арноту – пусть в Шусарде набирают учеников в агару и присылают сюда. Ну что еще?.. Все вроде. Ждите, берегите город – мы скоро вернемся. Обязательно вернемся. Ну а теперь расходимся по своим домам... Герлат, останься на минуту.

Все встали с мест, будто только и ждали команды командира. Бордонар и близнецы пошли вместе – Нед чувствовал их предвкушение, похоже было, что они задумали что-то веселое вроде попойки. И какие-то другие, не менее веселые развлечения. Харалд тоже куда-то заторопился, – Нед подозревал, что друг отправился смотреть, как девицы будут драться за право сопровождать Неда. Остались только двое – Нед и маг, который едва не стал его приемным отцом.

Герлат выжидающе смотрел на Неда, потом не выдержал молчания и с виноватой улыбкой сказал:

– Конечно, я не мог и надеяться скрыть от тебя перемены. Да, я стал немного другим. И хочу спросить у тебя разрешения жениться.

– Что-то подобное я и подозревал, – усмехнулся Нед, – только с какой стати ты спрашиваешь у меня разрешения? Как я могу тебе запрещать или разрешать жениться?

– Можешь, – серьезно кивнул Герлат, – и я пойму это. Ты глава клана, а я дал клятву верности. А еще... я хочу жениться на вдове твоего приемного отца, Седоре. Ты не против?

– Я? С какой стати? Могу только порадоваться за тебя. И дам тебе приданое за Седорой. Прими от меня дом Бранка – это теперь твой дом. А еще – все деньги, что были у Бранка.

– Мы не знаем, где его деньги, – растерянно развел руками Герлат. – Седора не знает. Искали, но не нашли. Спасибо за дом. Не стоило. Так-то я... хм... вроде не нищий, но...

– Ты не нищий, маг-лекарь не может быть нищим. Но мне хочется сделать вам подарок. Кроме того, я не хочу забирать себе этот дом. Я прожил в нем совсем не лучшие годы моей жизни. Дом теперь у меня есть, спасибо, что построили, – в нем я и буду жить. А деньги... я тебе скажу, где лежат деньги Бранка. Если не нужны – потратишь на агару, которую ты и возглавишь. Кстати, бери всех способных детей, девочек тоже. Гира дело говорила – плохо обучают девочек-магинь. Исе с Арнотом обязательно напиши, чтобы девочек вербовали так же, как и мальчиков. И не только девочек – девушек, женщин тоже. Даже семейных – перетаскивай прямо с семьями, с мужьями и детьми. Ну что еще добавить... поздравляю, Герлат. Я рад за тебя.

– Нед... – Герлат тяжело встал, закусил губу и потер большой наморщенный лоб. – Я нашел, где похоронили твою мать... и мою жену. Перенес прах. Ты не против?

Нед почувствовал, как у него в горле встал комок. Он встал, подошел к магу, посмотрел ему в глаза и глухим, изменившимся голосом сказал:

– Знаешь, я бы хотел, чтобы у меня был такой отец, как ты, правда. Конечно, не против. Потом покажешь мне место. Иди, отдыхай. Мы завтра улетим, в ночь, чтобы попасть на Северный материк утром. День нам на сборы. И я тоже немного отдохну.

Герлат кивнул, похлопал Неда по плечу, молча вышел из комнаты. Нед остался в комнате один.

За окном шумела стройка, переговаривались охранницы, стоящие за дверью и у окон, на кухне гремела посуда, и кухарка переругивалась с рабочими, загружавшими мясом подземную кладовую-ледник. В доме пахло деревом, воском, которым натерли полы, пирожками, тонким запахом благовоний, оставшимся то ли от Гиры, то ли от «теней», которые любили намазаться чем-нибудь пряным так, что Нед однажды выговорил Хелде за приверженность воительниц к благовониям.

Впервые за долгое, очень долго время он остался один – ни тебе охранниц, пялившихся на Неда из угла, ни многочисленной свиты друзей и сторонников. Впрочем, разве он один? Стоит включить сверхчувственное восприятие, и в мозг ударит волна эмоций, захлестнет, как штормовая волна. Кроме того, Нед

чувствовал все, что чувствовала Гира. Вот сейчас она чему-то радуется – видимо, смотрит, как «тени» лупят друг друга тупыми мечами, а теперь – переживает, вероятно, что кому-то из ее подружек хорошенько досталось по голове и ей теперь придется лечить несчастную.

«Жизнь идет своим чередом», – подумалось Неду, и, немного помедлив, он поднялся по длинной лестнице на второй этаж, в спальню.

Дом был построен из камня и все еще пах сыростью штукатурки и раствора, связывающего глыбы, но вся его внутренность отделана хорошим, пахучим деревом, которое специально для того привезли из Шусарда.

Неду нравился запах этой красноватой древесины, было приятно спать под аромат, похожий на аромат благовоний. Большая спальня отделана именно этим деревом, и, подойдя к стене, Нед любовно погладил деревянную пластину – наконец-то у него свой дом! Не доставшийся после кого-то, а свой, построенный только для него, новый, красивый!

Сел на кровать, сбросил сапоги и, швырнув на пол портянки, с облегчением вытянул ноги. Сегодня был тяжелый день. Очень тяжелый.

Нащупал на груди амулет Великого Атрока, поднес его к глазам, рассмотрел как следует – квадратик как квадратик... ничего особенного. Символ власти – тайной власти. Когда-то он покоился на груди Юрагора, последнего Великого Атрока Северного испаса. Тот своими руками положил его в тайник, сделанный в стене подземного храма.

Подумалось – а не вскрыть ли подземелье? Может, там лежат сокровища? Сумел же сохраниться Великий Амулет? Почему не сохраниться и другим ценностям? Были же еще тайники. И тут же решил – когда-нибудь. Не сейчас. Деньги есть, деньги поступают – пусть пока все останется так, как есть. Главное, он сумел притянуть к себе Амулет... Теперь его задача – драконы.

Нед не особенно верил, что драконы до сих пор живут на белом свете, – не считая тех, что хранились в заколдованном замке. Но он должен был сделать то, что собирался сделать, должен использовать любой шанс – даже если тот шанс совсем мал. Если не найдет драконов, не добудет яда, значит, придется вырастить взрослого дракона из дракончика.

За грустными мыслями Нед незаметно уснул. Проснулся он от того, что почувствовал – в комнату кто-то вошел. Нед тут же опустил руку на рукоять меча, лежавшего рядом, но знакомый глубокий голос сказал:

– Это я, Гира!

Гира прошла к кровати, села рядом, взяла руку Неда и погладила его по запястью твердой, сильной ладонью. Нед осторожно выдернул руку и покачал головой:

– Уходи.

– Почему ты меня избегаешь? Я ведь чувствую – тебя тянет ко мне! Ну сердисься, да – и за дело! Но зачем противиться очевидному? Наши судьбы взаимосвязаны, ты же знаешь!

– Я женат. Кроме любимой жены, у меня есть еще любимая женщина, которая отдала за меня свою жизнь. Тебя я не люблю. Какого демона ты ко мне лезешь? Да, я хочу тебя. Но это лишь плотское желание, ничего общего не имеющее с любовью. И чем больше ты навязываешься, чем больше мне хочется послать тебя подальше – неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю все... но суть-то в том, что я тебя люблю. А то, что ты пока меня не любишь, это ничего. Полюбишь, я хорошая. Правда-правда – хорошая!

Лицо Гире приблизилось к лицу Неда, ее губы уже почти коснулись его губ, когда Нед резко толкнул девушку в плечо так, что она едва не упала с кровати, чудом удержавшись на краю.

– Уходи! Вон отсюда! Я тебе все сказал!

Гира встала, ее губы дрожали, и Нед чувствовал горькую обиду девушки, ей хотелось разрыдаться, но она сдержалась. Гордо подняв голову, Гира вышла из спальни, даже не хлопнув дверь, хотя на ее месте Нед саданул бы дверью так, что она слетела бы с петель.

Гира ушла, и Нед снова погрузился в тишину и ничегонеделанье. И снова задремал, заставив себя успокоиться.

Уже ночью Нед снова вдруг проснулся – его захлестывала волна удовольствия. Его просто корежило, корчило, волны наслаждения накатывали на него, как морской прилив, и Нед с яростью подумал о том, что Гира не теряет времени зря, – раз он ей отказал, значит, решила она, можно пуститься во все тяжкие.

Впрочем, по ощущениям он понял – Гира была не с мужчиной... И слава богам. А через некоторое время на него навалилось опьянение. Такое мощное, такое одуряющее, что у Неда голова кругом пошла. Правда, ненадолго. Его персональный демон тут же справился с алкогольным отравлением, оставив лишь остатки похмелья.

Снова последовала волна наслаждения, и Нед снова корчился на постели, вздрагивая в судорогах, – оргазм был сильным и таким длительным, какого он никогда не испытывал.

И тогда Нед не выдержал. Усевшись на краю кровати, он быстро намотал портянки, сунул ноги в сапоги и сбежал по лестнице вниз, чуть не сбив по дороге Бордонара, шагавшего из кухни с подносом свежеспеченных пирожков. За столом в столовой сидели Харалд и близнецы – они с удивлением взирали на красного, с перекошенной физиономией Неда, и, когда он грозно рявкнул: «Где Гира?!» – недоуменно пожали плечами.

Нед выскочил наружу, увидел двух охранниц, сидящих на скамье у дверей, и, когда они вскочили при виде конора, повторил вопрос:

– Где Гира?!

– Мы видели, как она шла с Гестой, – смущенно ответила воительница. – Они вроде как к трактиру шли!

Нед кивнул и бросился по улице туда, где виднелось здание трактира.

Трактир за последнее время разросся – рабочие, получавшие на стройке хорошую плату, желали пить, гулять, развлекаться, а потому это было самое

популярное место в городке. Пока – самое популярное и единственное в своем роде. Нед уже распорядился построить гостиницу с трактиром гораздо большего размера и поприличнее, но они пока еще не были готовы. Так что, кроме старого трактира, негде было удовлетворить жажду приезжих, которых здесь собралось великое множество, – они сидели как внутри, так и под большущим навесом снаружи – пили пиво, вино, танцевали и всячески прожигали свободное время в компании своих приятелей. А еще – легкомысленных девиц, понаехавших из Шусарда в надежде на хороший заработок. Девицы не ошиблись – рабочие буквально стояли в очередь к каждой из них. Нед был не против – человеческую природу не изменить, зачем противиться очевидному?

Впрочем, и трактир уже не был тем, каким привык его видеть Нед. Трактирщик пристроил второй этаж, где теперь имелись комнаты для желающих уединиться, Нед подозревал, что Гира сейчас именно там и находится.

Как оказалось, нет. Гиры в трактире не было. Неду сообщили: Гира была, набрала вина, пирогов и ушла несколько часов назад.

Теперь оставался только один путь – идти и расспрашивать всех, кто мог ее видеть. Что Нед и сделал – пошлепал дальше по улице, с твердым намерением отыскать Гиру и... что? Что он ей сделает за это безобразие? Пока – сам не решил.

Первая попавшаяся воительница тут же указала на дом, стоящий на склоне горы, и пояснила, что видела Гиру там часа два назад. Там ли она сейчас, не знает, потому что за лекаркой не следит.

Ну что же, Нед потащился туда, ругая Гиру на чем свет стоит.

Стучать в дверь не пришлось – она была полуоткрыта, и Нед спокойно прошел внутрь дома, где и нашел бравую провидицу в объятиях ардской девицы – те валялись на кровати в спальне. Обе голые, они спали, сплетясь, как два осьминога.

Нед не любил этих извращений, хотя, впрочем, к женским «играм» относился гораздо более терпимо, чем к мужским. Честно сказать, ТАКИХ мужиков он вообще не считал мужиками. Хотя и убивать их не собирался – ему на них было просто наплевать. Его не трогают, не пристают – да пусть что хотят делают. А на

том свете боги рассортируют, кому куда отправиться.

Нед подозревал, что таких извращенцев будут в преисподней пользоваться раскаленными приспособлениями – согласно их пристрастиям.

Женщины подобного окраса почему-то его забавляли, но только не тогда, когда истязали своими ощущениями.

Нед подумал секунд пять, постоял возле сопящих, как младенцы, извращенок и решительно потянул из штанов пояс, не глядя на ухмыляющихся охранниц, которые держались позади, за его спиной. Потом передумал и снова затянул ремень – не дай боги, штаны спадут, и тогда он будет выглядеть еще более глупо. Можно ведь воспользоваться подручными средствами!

Подобрав кожаные штаны второй девицы, вытащил из них ремень, примерился и крепко врезал им по заду Гиры, с досадой ощутив боль своей собственной задницей. Потом врезал еще и еще – по спине, по бедрам и опять по крепкому, упругому заду!

Девушка проснулась после первого удара, вначале не сообразила, что происходит, потом вскочила и лишь прикрывала руками грудь, повернувшись к Неде спиной, пока он порол ее кожаным ремнем.

Наконец Нед выплеснул досаду, успокоился и, чувствуя себя еще большим извращенцем, чем мятежная девица, исполосовавшим сам себя, приказал Гире одеваться, что она и проделала, испуганно косясь на Неда. Вторая девушка на кровати даже не проснулась, пока Нед занимался наказанием одной из нечестивых распутниц.

Через пять минут они уже шагали к дому Неда. Охранницы-«тени» улыбались, предвкушая, как будут рассказывать подругами забавные подробности этой сцены, а Нед злобно молчал – ему хотелось врезать по глупой башке умной магини, нашедшей отличный способ отомстить за пренебрежение. И придраться было нельзя – она обещала не спать ни с одним мужчиной. И не спала. А про женщин ничего сказано не было. Так что он мог винить лишь сам себя. Да и насчет выпивки договоренности не было. Сейчас Нед чувствовал жесточайшее похмелье, с которым едва справлялся его организм.

– Больше не пей вина, – холодно сказал Нед, – и никаких женщин – тоже. Иначе запру в подвал и будешь там сидеть все время, пока я нахожусь рядом. Поняла?

– Поняла, – хмуро сказал Гира и, подняв руку, потерла лоб. – Голова болит. Ты меня обидел, я пошла и напилась. И я уже давно не была ни с кем в постели. Мне что теперь, похоронить себя? Ты меня отверг – что я должна была делать? Мне хочется любви, ласки...

Нед промолчал. Почему-то ему вдруг стало смешно, и он подумал о том, что ему достаются какие-то особо злостные бабы. Ну ни одной нет простой и незамысловатой! Одна чудней другой!

Мечь богини любви? Неужели эта богиня так злопамятна и все еще мстит за то, что Нед когда-то пожалел серебряника на алтарь Селеры? Все может быть – этих богов ну никак не понять. Вот привязали его к этой бабе, не отличающейся ни особой совестью, ни нравственными устоями, – зачем? Почему боги так пошутили? Только ведь не ответят... промолчат, как и всегда. Увы.

«Странно, почему сегодня я назвал Герлата отцом? – размышлял Нед. – Он даже вздрогнул, когда я так сказал! «Останетесь с отцом». Вот как я ляпнул! Не думая. А может, не ляпнул? Муж моей матери, хороший человек – может, это мой мозг решил, что этот мужчина достоин быть моим отцом? Все может быть. Но странная оговорка, да. Впрочем, пусть все идет так, как идет... утром скажу ему, где спрятаны деньги. Пусть порадует. Сомневаюсь, что он просто так возьмет и потратит их – пропьет, прогуляет. В дело пустит, уверен. Кстати сказать, ведь ему принадлежит доля в тех деньгах, что мы получили в пещере. Нужно будет выплатить их ему. Все потом, когда вернусь. Хоть бы уж получилось с драконами-то. Иначе... иначе я не знаю, что мне делать».

* * *

Сияющая, великолепная пустота. Почему великолепная? Потому что позволяет летать в небесах – жемчужных, прекрасных... розовых... синих... голубых... красных... Какие они, эти небеса? И небеса ли они? И кто она? Да, кто она такая?

Сознание плавало, рассыпаясь в пространстве, и сущность долго не могла собрать себя – цельную, имеющую душу, осознающую реальность.

Потом вдруг появилась точка. Она была маленькой, незаметной, но внезапно выросла и стала размером с кулак, а потом еще больше – с голову! Чью голову? Ну, чью-то, да.

Существо сидело перед ней и щурило сияющие желтые глаза. Его крылья и гладкое, покрытое голубой и красной чешуей тело – все было прекрасно. Оно улыбалось, скаля белые здоровенные зубы, потом неожиданно мелодичным, как колокольчик, голосом заявило:

– И как ты тут оказалось, чудо?

– Где оказалось? И вообще – кто я?

Существо рассмеялось, будто кто-то начал бить в серебряный колокольчик серебряной же ложкой. Отсмеявшись, покачало головой:

– Если этого не знаешь ТЫ, как могу это знать Я?! Задача!

– А на кого я... похоже?

– Ну... не знаю. У тебя четыре лапы, розовая шкура, два глаза. Вообще же ты выглядишь отвратительно. Ты не нашего рода – это точно. И не рода Хозяев. У них головы большие, а тело маленькое. Ты же довольно большое существо, а голова маленькая. Ты – дура? С такой маленькой головкой – как ты можешь соображать? Ты вообще понимаешь, что я тебе говорю?

– А почему я дура, а не дурак? Как ты это определило?

– Оп! Во-первых, я – она! Я девочка! А во-вторых, как я могу не понять, что ты «она», когда прекрасно это вижу? У тебя нет того предмета, что присущ мальчикам. Понимаешь? Значит, ты тоже девочка. Если, конечно, эта штука не прячется где-то у тебя внутри. Ну-ка, дай я тебя рассмотрю! Раздвинь лапы!

– Не буду. Не раздвину. Я помню, что это нехорошо. Кроме... определенных случаев. Каких, я не помню. Да, я девочка, точно. Я человек. Женщина. Девушка. Помню!

– Ну вот, уже хорошо, – усмехнулось существо, – что-то помнишь. А как тут оказалась – не помнишь?

– Нет... я летала... летала... летала... а потом вдруг – ты! И как мне тебя называть? Кто ты?

– Я? Высшее существо. Но не выше Хозяев, конечно. А вот ты кто... слуга? Одна из стенов?

– Кто такие стены? Я не знаю.

– Ну-у... слуги хозяев. Как и мы. Только вы низшие, а мы высшие. Вы сделаны для того, чтобы за нами ухаживать. Когда я еще не уснула, вы приносили нам еду, выносили наши испражнения. Но тут мы не едим и не испражняемся – и зачем тогда ты здесь?

– Где – здесь? Я где?

– Хм... опиши, что видишь. Давай, попробуй!

– Яйцо. Или пузырь? Прозрачный такой, но... не совсем. Упругий – я сижу на нем... в нем, и мне удобно. А вокруг – ничего. Небо... и ты, странное существо. Ты как-то должно называться, но я забыла название! Что-то такое с тобой связано, но что – вот вопрос! Высшее существо? Почему-то мне так не кажется. Высшие – это мы. Видишь – у меня пальцы, руки. А у тебя зубы. Острые, как у зверя. А все, у кого такие зубы, – не высшие существа.

– А кто тогда? – Радужное создание хлопнуло крыльями и дважды прикрыло желтые глаза с вертикальными зрачками. – Как это не высшее? Я всегда знала, что мы высшие существа! Мы вырастем и будем летать в небе! А пока – спим. И ты спишь. Наверное... Или не спишь?

– Ты чего пристала? Я что, знаю – сплю я или бодрствую, если я вообще не знаю, где нахожусь?! Ты глупое существо, совсем даже не высшее! Пошла вон отсюда!

– Шшш! Сейчас я тебе врежу! – Существо вдруг выросло до размеров большой собаки, захлопав крыльями, бросилось на девушку, вскочившую на ноги, и

вдруг... оказалось за стенкой пузыря, беспомощно болтая крыльями, кувыркаясь, как брошенный с крыши плод дерева чуфа.

Девушка подошла к стенке пузыря, посмотрела на то, как существо пытается выправить полет, и негромко хихикнула:

- Так тебе! Будешь еще зазнаваться! Поганец! То есть поганка, если ты девушка.

- Девушка, девушка, - вдруг раздался голос, и существо зашипело, устроившись на полу пузыря, - как ты это сделала?

- Чего - как?

- Ну... выкинула меня?

- Опять началось! Да не знаю я ничего! Просто захотела, чтобы тебя тут не было, и все тут!

- Жаль... - Существо нахохлилось, опустив крылья, опавшие, как две тряпочки. - А мне хотелось с тобой поговорить. Скучно здесь. Одни и те же морды. Уже все обсудили, все обговорили - ни одного нового существа нет! Большинство уже и не хочет выходить в Межмирье. Делать тут нечего. Зекеры попрятались, они нас чуют на расстоянии, не поймать. Остается только парить в пространстве... или, вернее, между пространствами, и мечтать, что когда-то проснешься. И полетишь! Высоко в небо! Туда, где буйствуют ветра! Туда, где видно горы, снега, море! Так всегда говорил Наставник. А потом сказал, что нужно лечь поспать. Немного поспать. И скоро нас снова разбудят. Но так и не разбудили. Хорошо хоть, что мы научились выходить в Межмирье. Сначала тут было весело - кучи зекеров! Они вначале нас хотели сожрать, а когда мы их стали есть - попрятались.

- А кто такие зекеры?

- Ну как тебе объяснить... Их сделали Хозяева, чтобы переносить душу из одного тела в другое. А потом бросили их в Межмирье, и все. А они тут испортились. Стали злыми, всех хотят жрать. Друг друга жрут. Только не спрашивай - зачем. Жрут, и все тут. А мы их едим. Тоже не спрашивай - как. Не знаю. Схватишь его,

оп! И нету. А мне радость. Нет, правда радость, приятно его слопать. Не так, как когда-то – свежего мяса, но слопать. Слушай, а с тобой интересно говорить, да! Так давно не было никаких новых морд, так давно! Расскажи о себе – ну что помнишь, да. Как ты тут оказалась? Может, хоть что-то помнишь? Ты напрягись! Я вначале тоже ничего не помнила, а потом – стала вспоминать. Чем больше стараешься, тем больше вспоминаешь – это чистая правда! Ну, давай – кто ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/perekrestok-sudeb>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)